

Константин Бальмонт

ПТИЦЫ В ВОЗДУХЕ

Строки напевные

*Мы уйдем на закате багряного дня
В наш наполненный птичьими криками сад.
Слушай их, меж ветвей. Или слушай меня.
Я с тобой говорю – как они говорят.*

*Миновала зима. И в воздушность маня,
Это – сердце душе говорит через взгляд.
Эти птицы поют о дрожаньях Огня.
Их понять торопись. Пропоют, улетят.*

В ЯРКИХ БРЫЗГАХ

ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЕ

Мы вольные птицы, мы дважды рожденные,
Для жизни, и жизни живой.
Мы были во тьме, от Небес огражденные,
В молчанье, в тюрьме круговой.

Мы были как бы в саркофажной овальности,
Все то же, все то же, все то ж.
Но вот всколыхнулась безгласность печальности,
Живу я – мой друг – ты живешь.

Мы пьяность, мы птицы, мы дважды рожденные,
Нам крылья, нам крылья даны.
Как жутко умчаться в провалы бездонные,
Как странно глядеть с вышины.

С ВЕТРАМИ

Душа откуда-то приносится Ветрами,
Чтоб жить, светясь в земных телах.
Она, свободная, как вихрь владеет нами,
В обманно-смертных наших снах.

Она как молния, она как буревестник,
Как ускользящий фрегат,
Как воскрешающий – отшедших в смерть – кудесник,
С которым духи говорят.

Душа – красивая, она смеется с нами,
Она поет на темном дне.
И как приносится, уносится с Ветрами,
Чтоб жить в безмерной вышине.

ХМЕЛЬНОЕ СОЛНЦЕ

Летом, в месяце Июле,
В дни, когда пьянеет Солнце,
Много странных есть вещей
В хмеле солнечных лучей.
Стонет лес в громовом гуле,
Молний блеск – огонь червонца.
Все кругом меняет вид,
Самый воздух ум пьянит.

Воздух видно. Дымка. Парит.
Воздух словно весь расплавлен.
В чашу леса поскорей,
Вглубь, с желанною твоей.
В мозге нежный звон ударит,
Сердце тут, а ум оставлен.
Тело к телу тесно льнет.
Праздник тела. Счастье. Вот.

Ночь приходит. Всем известно,
Ночь Иванова колдует.
Звездный папоротник рви.
Миг поет в твоей крови.
Пляшет пламя повсеместно.
Мглу огонь светло целует.
Где костры сильнее горят,
Ройся глубже, вспыхнет клад.

ВИНО

Хорошо цветут цветы, украшая сад.
Хорошо, что в нем поспел красный виноград.
Был он красным, темным стал, синий он теперь.
Хорошо, что вход раскрыт – что закрыта дверь.

Через раскрытый вход вошел жаждущий намек.
И расцвел, и нежно цвел, между нас цветок.
Виноград вбирал огни. Будет. Суждено.
Счастье. Дверь скорей замкни. Будем пить вино.

ПЧЕЛА

Пчела летит на красные цветы,
Отсюда мед и воск и свечи.
Пчела летит на желтые цветы,
На темно-синие. А ты, мечта, а ты,
Какой желаешь с миром встречи?

Пчела звенит и строит улей свой,
Пчела принесена с Венеры.
Свет Солнца в ней с Вечернею Звездой.
Мечта, отяжелей, но пылью цветовой,
Ты свет зажжешь нам, свечи веры.

ХАОС

Man muss noch Chaos in sich haben,
um einen tanzenden Stern zu gebären.
Nietzsche

Надо иметь в себе хаос, чтобы
родить танцующую звезду.
Ницше (нем.).

Пусть Хаос хохочет и пляшет во мне,
Тот хохот пророчит звезду в вышине.
Кто любит стремительность пенной волны,
Тот может увидеть жемчужные сны.

Кто в сердце лелеет восторг и беду,
Тот новую выбросит Миру звезду.
Кто любит разорванность пляшущих вод,
Тот знает, как Хаос красиво поет.

О, звезды морские, кружитесь во мне,

Смешинки, рождайтесь в рассыпчатом сне.
Потопим добро грузовых кораблей,
И будем смеяться над страхом людей.

Красивы глаза у тоскующих вдов.
Красиво рождение новых цветов.
И жизни оборванной белую нить
Красиво румяной зарей отгнать.

Пусть волны сменяются новой волной,
Я знаю, что будет черед и за мной.
И в смехе, и в страхе есть очередь мне,
Кружитесь, смешинки, в мерцающем сне.

СКРИПКА

Скрипку слушал я вчера.
О, как звонко трепетала,
Человечески рыдала
Эта тонкая игра.

В нарастающем ручье,
Убедительном, разливном,
Так мучительно-призывном,
Дух подобен был змее.

Бриллиантовой змеей
Развернул свои он звенья,
Вовлекал в свои мученья,
И владел моей душой.

И пока он пел и пел,
Увидал я, лунно-сонный,
Как двойник мой озаренный
Отошел в иной предел.

Был он в море белых роз,
С кем-то белым там встречался,
С ярким звуком оборвался,
И вернулся в брызгах слез.

МЫСЛИ СЕРДЦА

Уж я золото хороню, хороню.
Песня игорная

Золото лучистое я в сказку хороню,
Серебро сквозистое приобщаю к дню.

Золото досталось мне от Солнца, с вышины,
Серебро – от матовой молодой Луны.

Песнь моя – разливная, цветут кругом луга,
Сказку-песнь убрал я всю в скатны жемчуга.

Жемчуг тот – из частых звезд, звезд и слез людских,
Мысли сердца – берега, сердце – звонкий стих.

ВЗВОДЕНЬ

Взводень, бурное волнение,
Беломорский ветер встал,
Волны взвел, затеял пенье,
Загудел, зарокотал.

И волну на море Белом
В вал косматый превратил,
В торжестве осwirепелом
Взводит стаю водных сил.

Строит город многостенный,
В каждой капле быстрый глаз,
Взводень стал – и с шумом, пенный,
Своды рушил, веселясь.

ХМЕЛЬ

Я решил своим весельем
Разрушать чужую грусть.
Вы, объятые похмельем,
Я вас знаю наизусть.

Ваши деды были пьяны
Властным хмелем смелых грез,
Знали сказочные страны,
Счастье им не раз зажглось.

Счастье им всегда светило,
Не гнала их мысли мгла,
Оттого, что в сердце сила
Не подавлена была.

Вы же, в хмеле видя зелье,
Видя в грезах только яд,
Скучным обликом похмелья
Заслонили вешний сад.

Сад смеялся вам цветами,
Здесь мы каждый миг в саду,
Но кошмар владеет вами,
В утомительном бреду.

Вы замкнули сердце в клетке,
И дивитесь – нет цветов,
Лист сухой на мертвой ветке –
Символ пасмурных умов.

Мне-то что! Я хмель веселый.
Мне-то что! Я вьюсь и вьюсь.
Вкруг меня мелькают пчелы,
С каждой соком я делюсь.

Зыбко светят крылья-краски
Мотыльков и пестрых мух,
Нежный ветер шепчет сказки,
Песней ласки входит в слух.

Эй вы, хмурые, идите,
Уж я вас развеселю,
Хмель прядет цветные нити,
Всех пьяню я, все люблю.

ЦАРЬ – ЦАРЮ

Царь царю послал подарок,
И сказал через посла:
Край твой дальний пышно-жарок,
Мощь твоя светла.

Я же – Северного края
Бранно-льдяный властелин.
Буду – данник, только зная
Свет снегов и льдин.

Дар его был мех богатый,
Белый царский горностаи,
Три копыя, и шлем крылатый,
Брату, в Южный край.

Счастлив был властитель Южный
Слышать слово, видеть дар,

В ожерелье, в круг жемчужный
Вделал символ чар.

Круговой излом рубина
Вделал в жемчуг круговой: –
Два нас, в мире, властелина,
Двое мы с тобой.

Отослал он, благодарный,
Ожерелье в царство льдов,
В дивный край луны полярной,
Царственных снегов.

И свершилось с царями
Чарованье сил иных.
Южный край покрылся льдами,
Говор в нем затих.

Словно копья – льдов изломы,
Южный край воздушно-нем.
Стынут царские хоромы,
Светит царский шлем.

Между тем, как камень красный,
Встал на Севере закат,
Весь – живой, цветочно-страстный,
Встал, как пышный сад.

И под облаком жемчужным
Стынет там другой один,
Дух полярный с сердцем Южным,
Царь светящих льдин.

СТИХ ВЕНЧАЛЬНЫЙ

Я с мечтою обручился и венчальный стих пою,
Звезды ясные, сойдите в чашу брачную мою.

Сладко грезе светлой спится далеко от тьмы земной,
Там, где звездный куст огнится многоцветной пеленой.

Куст восходит, возрастает, обнимает все миры,
Слышны песни от равнины, слышны громы от горы.

Жар-цветы и цвет-узоры смотрят вниз с ветвей куста,
Светом помыслы одеты, в звездных ризах Красота.

Бриллиантовою пылью осыпается жар-цвет,
Манит душу к изобилью сказка огненных примет.

Искры, жгите, вейтесь, нити, плющ, змеись по Бытию,
Звезды ясные, сойдите в чашу брачную мою.

ЦВЕТНАЯ ПЕРЕВЯЗЬ

Мы недаром повстречались в грозовую ночь,
И дождались, чтобы сумрак удалился прочь.
Мы сумеем, как сумели, быть всегда вдвоем,
И в разлуке будем вместе в ярком сне своем.

Мы сплетем, один к другому, серебристый мост,
Мы от Запада к Востоку бросим брызги звезд.
Мы над Морем, полным темных вражеских чудес,
Перебросим семицветно радугу Небес.

Мы расцветшими цветами поглядим в лазурь,
И лазурь дохнет ответно дуновеньем бурь.
Мы красиво уберемся в бриллианты гроз,
Хороши цветные камня в темноте волос.

БЛЕСТЯЩИЕ МУХИ

Сколько блестящих мух
В нашем зеленом саду!
Радость – Весна. Я счастливый иду.
Повсюду медвяно-жасминный дух.

Лучше что есть ли, чем цвет?
Есть ли что лучше, чем травы?
Травы – в цвету! Знаю, бесы лукавы,
Но, при лукавстве, в Аду – этого счастья нет.

МОЙ ДОМ

Я себе построил дом посреди дубравы.
Посадил вокруг него шелковые травы.
И серебряным его окружил я тыном.
И живу теперь я в нем полным властелином.

В этом доме – терема, не один, четыре.
В этом доме свет и тьма радостней, чем в мире.
Светит солнце с потолка, за день не сгорает.

Месяц с звездами в ночах серебром играет.

И когда я из окна брошу взор к пустыням,
В небе светится Луна, Солнце в море синем.
Светят миру, но порой траур ткут им тучи.
А в моем доме они без конца горячи.

И ворота у меня без замков железных.
Но закрыты как врата областей надзвездных
Лето, Осень, и Зима, с нежною Весною.
Говорят душе: «Люби. Хорошо со мною».

Лето, Осень, и Зима смотрятся в оконца.
Без конца поет Весна, что хмельное Солнце.
Нежно, шелково шуршат шепчущие травы.
Хорошо построить дом в тишине дубравы.

ТРАВА-ХВАЛИХА

Трава-Хвалиха выращена пустыней,
Четыре цвета есть на ней,
Багряно-красный цвет, зеленый, черный, синий,
Четыре пламени огней.

Сорви ее, как будешь чист душою,
Четверократно ты поймешь,
Что можно, как своей, жить радостью чужою,
И правду расцветить, как ложь.

Хвалить восторг, и восхвалить усталость,
За ярким раем жаркий ад,
Понять, что в бархат тьмы красиво входит алость,
Что Небо и Земля – горят.

СЕМИЦВЕТНЫЙ МОСТ

Расцвела на дальнем небе Радуга-цветок.
Семицветный мост оперся о земной поток.

Красный, желтый, и зеленый, разные цвета.
Фиолетовый, и синий, углится мечта.

Только углится не мраком, золотым огнем.
Каждой краске повелела быть в неделе днем.

Мак и розы в понедельник, а во вторник лен.

В среду лютик, все неделю разноцветный сон.

В воскресенье полноцветность всех семи цветов,
Чтобы пояс для недели был сполна готов.

Чтоб одна к другой неделя яркая пошла,
Чтобы, с месяцем венчаясь, вся была светла.

Чтобы месяцы, женившись на неделях тех,
Самоцветными камнями рассыпали смех.

Чтоб, собравшись как двенадцать, спел их хоровод:
«Полночь Года! С Новым Счастьем! Новый Год идет!»

БЕЛАЯ ПАННА

Белая панна гуляла по Небу, сеяла там маргаритки,
Светлые тучки кругом завивались в длинные белые свитки.

Белая панна протяжным напевом вызвала гроздь сирени,
Белой сирени вокруг белых балконов, в замке, где белы ступени.

Вишенье млело, цветы осыпались, новые нежно блестели,
Белые сосны высоко вздымались, белые пышные ели.

Заячьим пухом убрались дорожки сада и частого бора,
Заячьи уши мелькали меж веток, в матовых сцепках узора.

Лебеди стайей сбিরались, кружились, белым сияньем светили,
С Белою панной играли, резвились, лили ей отсветы крылий.

Белая панна взяла одуванчик, все разлетелись пушинки,
Дети земные окутались в иней, звездно плясали снежинки.

СОЛНЦЕ

Солнце – всемирное пламя,
Окно небесных пиров,
Круговое желтое знамя,
Над битвой и пляской миров.

Солнце – яркая чаша,
Зеркало дружных светил,
Радость и молодость наша,
Зелень стеблей из могил.

Солнце – кружащийся гений,
Учащий ликом своим,
Пьяность зверей и растений.
Рдяность и пьяность сквозь дым.

С ВЫСОКОЙ БАШНИ

С высокой башни
На мир гляжу я.
С железной башни
За ним слежу я.
Несется Ветер,
Несется Ветер,
Несется Ветер,
Кругом бушуя.

Что миг текущий,
Что день вчерашний,
Что вихрь бегущий,
Как зверь, над пашней.
Бегущий мимо,
Неуловимо,
Как гроздь дыма,
Вкруг стройной башни.

На мир всегдашний,
Светло гляжу я.
С высокой башни
За ним слежу я.
И злится Ветер,
Кружится Ветер,
И мчится Ветер,
Кругом бушуя.

В ЯРКИХ БРЫЗГАХ

То, в чем страх для вас,
Вечно-близко мне.
Я – Змеиный глаз,
Я горю в Огне.

Я – Перистый змей,
Изумрудный сон,
Я – Волшебный Фей,
Мне мой смех – закон.

Захочу чего, –
Вот оно уж тут,
Вот я мчу его,
На крылах минут.

На огне минут,
В брызгах ярких слов,
Хорошо цветут
Опьянения снов.

ЗЕЛЕННЫЕ СВЯТКИ

ЗЕЛЕННЫЕ СВЯТКИ

Podczas Zielonych Swiatek...
Przybyszewsky

Уйдемте под тень, –
О, панны! О, панны! – и будем играть в поцелуйные прятки.
У Поляков Троицын день
Зовется Зеленые Святки.
Уйдемте под свежую тень, поцелуй под тенью так сладки.

О, лес, ты нас тайной одень!
За ветками ветки, прогалины, глуби, лесные загадки.
То, панны, ваш день,
Не белые, нет, изумрудные Святки.
Уйдемте в мгновеньях под вечную тень, поцелуй под тенью так сладки.

ПЕРОВОЕСТЬ

И Ты помнишь, в нежной ясности,
Равнины, в их безгласности.
И весь сквозистый лес.
Тоскующий, и чующий,
Что вот, теплом чарующий,
Уж близок час чудес.

Все было в ожидании,
И в утреннем мечтании,
И пахло так землей,
Еще вчера оснеженной,
Сегодня же разнеженной

Фиалковой мечтой.

НА ГРАНИ

Блаженно, став на грань предела,
Не жаждать больше ничего.
Ты так красиво опьянела
От приближенья моего.

Сейчас последняя завеса
Совсем растает между нас.
О, как красиво в храме леса,
Неповторяемости час!

СВЕТЛОЕ – ТЕМНОЕ

Светлое платье на темной подкладке
Было надето на ней.
Стал я играть с ней в загадки и в прятки,
Между расцветами дней.

Стал я играть с ней под куполом Ночи,
Звезды слагались в цветы.
Бездна возникла живых средоточий,
Ярких среди черноты.

Сказки слагались, и страшны, и сладки,
С каждой минутой страшней.
Белое платье на темной подкладке
Было так тесно на ней.

ТРИ МОЛОТА

Несет кузнец три молота.
Святочная песня

Кузнец, кузнец, ты скуй мне венец,
Ты скуй мне венец золотой,
Чтоб жизнь мне светила по самый конец,
И была бы всегда молодой.

Из остатков, кузнец, скуй мне перстень злат,
Скуй мне перстень злат поскорей,

Чтобы, к счастью пойдя, не пришел я назад,
К пустырям тех изношенных дней.

Из обрезков ты скуй золотую иглу.
Золотую иглу ты мне скуй,
Чтобы вышел я в ткани мирской, там в углу,
Век горящий, один поцелуй.

ЛАДА

Ко мне пришла
Богиня Лада.
Нежна, светла,
Она была,
Как предрассветная прохлада.

Я целовал,
Твердя: «О, Лада!»
Я ей давал
Любви фиал,
Она шепнула мне: «Не надо!»

Но день алел,
Как розы сада.
И стал я смел,
Любил, горел,
И стала розовою Лада.

И понял я,
Что есть услада.
«Моя! Моя!»
«О, ты змея!»
Шепнула мне, слабея, Лада.

ПРАЗДНИК ВЕРБЫ

Уже распались куколки,
Их бабочки прожгли.
Пушистые распуколки
На вербах зацвели.

Пред Вербным воскресением,
Всех тех, кто молодой,
С усмешками, и с пением,
Обрызгали водой.

Водою обливали их:
Пусть свежей будет грудь.
И вербой ударяли их:
Как верба нежным будь.

Втыкали вербу малую
За образа, в углах,
Чтоб силой смертно-алою
Не встал пожар в домах.

Свети вам, радость здешняя,
Цветы, земля, вода.
Цвети нам, верба вешняя,
Цвети с Весной всегда.

ЛЮБ-ТРАВА

На что ж тебе люб-Трава?
– Чтобы девушки любили.
Народная песня

На опушке, вдоль межи,
Ты, душа, поворожи.
Лес и поле осмотри,
Три цветка скорей бери.

Завязавши три узла,
Вижу я: Заря – светла.
И срываю я цветок,
Первый, синий василек.

И тая в душе завет,
Я срываю маков цвет.
И твердя любви слова.
Вижу третий: люб-трава.

Вижу, вижу, и зову: –
Сердце, рви же люб-траву.
Но душа едва жива:
Опьяняла люб-трава.

Все цветы я рвал, спеша,
И смела была душа.
Только тут минуту дню: –
Слишком люб-траву люблю.

Как сорвал я василек,
Было просто невдомек.
И не спрашивал я, нет,

Как сорвать мне маков цвет.

А уж эту люб-траву
Как же, как же я сорву?
Сердце, знак! Отдай скорей
Люб-траву – любви моей!

ВОЗДУШНОСТЬ

Воздушность. Несколько цветков,
Знакомых, полевых,
Из тайных, в сердце, родников
На волю манят стих.

Цветок склоняется к цветку,
И стебель к травке льнет.
– Куда тебя я завлеку? –
Цветок цветку поет.

О, сердце, только ты поймешь
Безмолвный разговор.
Куда меня ты увлечешь?
В неволю? На простор?

ЛЕТНИЙ СНЕГ

Послала меня, послала любезная свекровь,
За зимнею весной, за летним снегом.
Литовская песня

Послал меня, отправил причудник-чародей,
Он задал мне задачу, чтоб мне погибнуть с ней.

– Ступай, сказал волшебник, за зимнею весной,
Еще за летним снегом – не то беда со мной. –

Смущенная, пошла я, куда глаза глядят,
И, чу, запели птицы, и травы шелестят.

– Иди на берег Моря, иди в зеленый лес.
Они научат душу наукою чудес.

В лесу увидишь в вешнем зеленую сосну,
На летнем Море вешем вспененную волну.

Сломивши ветку хвои, ты зачерпни рукой

Пригоршню снежной пены, снежистости морской. –

Как птицы мне пропели, как молвили цветы,
Я сделала, вернулась. Ну, где, волшебник, ты?

Ты девушку встревожил, но побежден ты мной.
Я – здесь, я – с летним снегом и с зимнею весной.

КРАСНАЯ ГОРКА

Красная Горка. Парни и девицы
Друг друга обливают водою ключевой.
Липки березки. Хмельные в небе птицы.
Звон разливается влагою живой.

Красная Горка радостей Пасхальных,
Брызги веселья и влажностей живых,
Светлые встречи взглядов обручальных,
С Неба на Землю – в лучах идущий стих.

Красная Горка, таинство мгновений,
Праздник причастья Солнца и Воды,
Розовым цветом утро обновлений
Празднует силу смарагдовой Звезды.

ЖЕМЧУЖИНЕ

Жемчужное виденье,
Избранница мечты,
Ты примешь песнопенье,
Возьмешь мои цветы?

В них нет гвоздик тревожных,
В них нет пьянящих роз,
Молний невозможных,
В словах укрытых слез.

Тебе лишь тонкий свиток,
Тебе, моей красе,
Весенних маргариток,
И ландышей в росе.

В них тоже опьяненье,
И в них влюбленность есть.
Жемчужное виденье,
Путей любви не счесть.

Но, если сон твой станут
Пьянить мои цветы,
Их вздохи не обманут. –
Скажи, ведь веришь ты?

ЦАРЕВНА-НЕДОТРОГА

Царевна-Недотрога,
Скажите, ради Бога,
    Чем так я вам не люб?
Зачем себя гневите,
Зачем вы так кривите
    Кораллы нежных губ?

Царевна-Недотрога,
Трудна была дорога,
    Я все ж ее прошел.
И куст был весь тернистый,
Когда с зарею мгlistой
    Шиповник ваш расцвел.

Царевна-Недотрога,
У Змея у Зловрога
    Весьма был лютый взгляд.
Я все же изловчился,
С победой воротился,
    С цветком пришел назад.

Царевна-Недотрога,
Скажите ж, ради Бога,
    Когда я буду люб?
Иль вновь – шиповник острый,
Вновь – Змей, и злой, и пестрый,
    Перед кораллом губ?

РОСА

Загадка

Заря-заряница,
Красная девица,
К церкви ходила,
Ключи обронила,
Месяц увидел,
Солнце скрало.

Заря-заряница,
Красная девица,
К людям ходила,
Алмаз уронила,
Ум засмеялся,
Сердце рыдало.

Заря-заряница,
Красная девица,
Ум разлюбила,
Сердце озарила,
Сердце и светится,
Бьется так ало.

ОН МНЕ СНИЛСЯ

Он мне снился призраком долгие года,
Я ждала избранника, я ждала всегда,
Я не видя помнила, верила в него,
Не могла не слушаться сердца моего.

Светлая, холодная, думала всегда,
Как о Солнце думает подо льдом вода.
Он смутил мне девичьи тающие сны,
Он дышал мне воздухом лета и весны.

И пришел неведомый, близко стал ко мне,
Я была как облачко в солнечном огне.
Он взглянул так пристально, он вздохнул едва,
Говорил мне ласково стыдные слова.

Я не видя помнила, светлого, его,
И душа не вспомнила больше ничего.
Чем при нем исполнилась вся душа моя,
Что он сделал с девушкой – ах, не знаю я!

РОЗА-ШИПОВНИК

Загадка

Цветы ангельские,
Когти дьявольские,
Уж не древо ли райское ты?
Древле данное нам,
И отобранное,

Чтоб нам жаждать всегда Красоты?

Верно, это и есть
Изъяснение того,
Что все женщины любят тебя?
Цветы ангельские,
Когти дьявольские
Тянут к нам, нас любя, нас любя!

ЮНОЙ КУБАНКЕ

Когда я близ тебя, мне чудится Египет,
Вот ночи Африки звездятся в вышине.
Так предвещательно и так тревожно мне,
Фиал любви еще не выпит.

Еще касался я так мало черных глаз,
И ночь твоих волос я разметать не смею.
Я дам тебе века, царица, будь моею,
Смотри, Вселенная – для нас!

ТЫ ДАЛЕКО

Ты далеко, но говоришь со мной,
В чужих краях, но мы с тобою близки.
Так не сумеет, в час ночной,
Араб быть близким к одалиске.

Цветочный сон! Кто там идет, спеша?
Какая мысль меня сейчас волнует!
Твоя освобожденная душа
Меня целует.

МУХА

Загадка

Легко порхает,
Сама не знает,
Куда летит, зачем живет.
Звенит для слуха,
Всегда старуха,
Всегда ей первый для жизни год.

Легко порхает,
Жужжит, не знает,
Что так внимал ей – Фараон.
И будет виться,
И так кружиться
На тризне крайней – всех, всех времен.

СОЛНЕЧНИК

Июнь, Июль, и Август – три месяца мои,
Я в пьянственности Солнца, среди родной семьи.

Среди стеблей, деревьев, колосьев, и цветов,
В незнании полнейшем, что есть возможность льдов.

В прозрачности Апреля, влюбленный в ласки Лель,
Для песни сладкогласной измыслил я свирель.

Я с Ладой забавлялся во весь цветистый Май,
К Июньским изумрудам ушел – я спел: «Прощай».

И Лада затерялась, но долго меж ветвей
Кукушка куковала о нежности моей.

Но жалобы – в возвратность вернут ли беглеца?
И жаворонки Солнца звенели без конца.

Заслушавшись их песен, Июнь я промечтал,
Очнулся лишь, заметив какой-то цветик ал.

Гляжу – ну, да, гвоздики Июльские цветут,
Багряностью покрылся Июньский изумруд.

И меж колосьев желтых зарделись огоньки,
То пламенные маки, и с ними васильки.

Тепло так было, жарко, высок был небосвод.
Ну, кто это сказал мне, что есть на свете лед?

Не может быть, безумно, о, цветики, зачем?
В цветенье и влюбленье так лучезарно всем.

Цветет Земля и Небо, поет Любовь, горя,
И я с своей свирелью дождался Сентября.

Он золотом венчает, качает он листы,
Качая, расцветает, баюкает мечты.

И спать мне захотелось, альков мой – небосклон,
Я тихо погружаюсь в свой золотистый сон.

Как девушки снимают пред сном цветистость бус,
Я цветиков касаюсь: «Я снова к вам вернусь».

Июнь, Июль, и Август, я в сладком забыты.
Прощайте – до Апреля – любимые мои.

ИСКРА

Искры малой, но горячей
Ты не угадай: –
Может, вспыхнет свет блестящий,
Разгорится целый Рай.

Весь ведь Мир наш создан, звездный,
Просто так, из Ничего.
Так смотри, не будь морозной,
Свет хорош, люби его.

КУПАЛЬНИЦЫ

Кто был Иван Купала,
Я многих вопрошала,
Но люди знают мало,
И как тому помочь.
Кто был он, мне неизвестно,
Но жил он здесь телесно,
И если сердцу тесно,
Иди на волю, в ночь.

О, в полночь на Ивана
Купалу сердце пьяно,
Душе тут нет изъяна,
А прибывь красоты.
Живым в ту ночь не спится,
И клад им золотится,
И папорот звездится,
Горят, змеясь, цветы.

Мы девушки с глазами,
Горящими как в храме,
Мы с жадными губами,
С волнистостью волос.
Дома покинув наши,

В лесу мы вдвое краше,
Цветы раскрыли чаши,
И сердце в нас зажглось.

По чаще мы блуждали,
Как дети, без печали,
Мы травы собирали,
И был душист их рой.
В стихийном очищенье,
И в огненном крещенье,
Пропели мы в смущеньи
Напев заветный свой.

Ту песнь с напевом пьяным
Припоминать нельзя нам,
Да будет скрыт туманом
Тот свет, что светит раз.
Но мы, как травы, знаем,
Чем ум мы опьяняем,
И каждый бредит раем
При виде наших глаз.

ХВАЛИТЕ

Хвалите, хвалите, хвалите, хвалите,
Безумно любите, хвалите Любовь,
Ты, сердце, сплети всепротяжные нити,
Крути златоцветность – и вновь,
От сердца до сердца, до Моря, до Солнца, от Солнца до мглы отдаленнейших звезд,
Сплетенья влияний, воздушные струны, протяжность хоралов, ритмический мост,
Из точки – планеты, из искры – пожары,
Цветы и расцветы, ответные чары,
Круги за кругами, и снова, и вновь,
То выше, то ниже, качаясь, встречаясь,
И то расходясь, то опять возвращаясь,
Свечась, расцветаясь, поющая кровь
Всемирно проводит путистые нити,
Хвалите же Вечность, любите, хвалите,
Хвалите, хвалите, хвалите Любовь.

ПРЕЛОМЛЕНИЕ

ПРЕЛОМЛЕНЬЕ ДНЯ

Во мне стихи поют – на преломленье дня,
Когда блестящий Шар начнет к морям спускаться.
Тогда стихи звучат, преследуют меня,
Как пчелы летние, жужжат, звенят, роятся.

О, полнопевный рой! Сюда ко мне, сюда!
Готово место вам, гирлянды строк крылатых.
Уже зенит пройден, светлей в морях вода,
Уже надмирный Диск скользит в воздушных скатах.

Вот новый улей вам, любовники цветов,
Устройте соты здесь всем множеством бессонным.
Чтоб в зимних сумерках, под дикий свист ветров,
Я усладиться мог тем медом благовонным.

ТЕРЕМ МИРА

Каждый цветок есть цветистая планета,
Каждое растенье – зеленая звезда,
В горницах зимних Весны нянчат Лето,
Горы – неземные, хоть земные – города.
Тучи – узоры водных размышлений,
Облачко – греза лунного луча,
Терем нам дивный дал Вселенский Гений,
Только от двери не дал нам ключа.

РОДНОЕ

Аллеи рек. Зеркальности озер.
Хрустальный ключ. Безгласные затоны.
Живая сказка, страшный темный бор.
Его вершин немолкнувшие звоны.

Воздушность ив. Цветы родных полей.
Апрельский сон с его улыбкой Маю.
Я целый мир прошел в мельканье дней,
Но лучше вас я ничего не знаю.

БЫЛО – БУДЕТ

У Осени в саду, по золотым аллеям,
Мечтая, я бродил, в сиянье Сентября.
Я видел призраки, подобные камням,
На них светила мне вечерняя заря.

Они мне нравились, их четкий профиль, взоры,
Гармония всех черт, спокойствие мечты.
И к ним так стройно шли все краски, все узоры,
В воздушность кружева сплетенные листы.

Но счастья не было. Была одна умильность.
Красиво, но на всем бесстрастия печать.
У Осени в саду – зеркальная могильность.
И стали шепоты мне душу вопрошать.

«Когда ты счастлив был?» шепнул мне лист, спадая.
«Когда ты счастлив был?» спросила Тишина.
«Иди за мной! За мной!» шепнула, улетая,
Виденьем бывшая и в Осени, Весна.

«Я счастлив был, когда ты был слегка зеленым».
Промолвил я листу. И молвил Тишине: –
«Я счастлив был, когда скользил по светлым склонам
Моих безумств. Прощай!» И я ушел к Весне.

2

«Был ли счастлив ты когда?»
Забурлив, заговорила
Мне разливная вода.
«Был ли счастлив ты когда?»
«Было, было, было, было».

Прожурчали мне ручьи: –
«Жил ли ты когда, ликуя?»
«Посмотри в глаза мои.
Знаю, знаю, в забыты,
Знаю сладость поцелуя».

Все шепнуло мне смеясь: –
«Будет снова, если было.
Не обманывай лишь нас».
И вскричал я: «В добрый час».
«Было, было, было, было».

ДРАМЫ МИРА

Все драмы мира – на любви,

Или с любовью слиты,
Всех скальдов мира позови,
И скажут: – Песнь живет в крови,
В сердцах, что страстью взрыты. –

И если нежно я пою,
Мой друг, не веруй чуду.
Я просто в строки алость лью,
Мой друг, чужую и свою: –
Я скальд, и скальдом буду.

ГОРОД

Сколько в Городе дверей, – вы подумали об этом?
Сколько окон в высоте по ночам змеится светом!
Сколько зданий есть иных, тяжких, мрачных, непреклонных,
Однодверчатых громад, ослепленно-безоконных.
Склады множества вещей, в жизни будто бы полезных.
Убиение души – ликом стен, преград железных.
Удавление сердец – наклоненными над нами
Натеснениями камней, этажами, этажами.
Семярусность гробов. Ты проходишь коридором.
Пред враждебностью дверей ты скользишь смущенным вором.
Потому что ты один. Потому что камни дышат.
А задверные сердца каменеют и не слышат.
Повернется в дырке ключ – постучи – увидишь ясно,
Как способно быть лицо неподходно-безучастно.
Ты послушай, как шаги засмеялись в коридоре.
Здесь живые – сапоги, и безжизненность – во взоре.
Замыкайся уж и ты, и дыши дыханьем Дома.
Будет впредь и для тебя тайна комнаты знакома.
Степы летопись ведут, и о петлях повествуют.
Окна – дьяволов глаза. Окна ночи ждут. Колдуют.

У МОРЯ

Мы зависим от дней и ночей,
От вещей, от людей, и погоды.
Мы в разлуке с душою своей,
С ней не видимся долгие годы.
Мы бряцаем металлом цепей,
Мы заходим под темные своды.
Мы из целой Природы, из всей,
Взяли рабство, не взявши свободы.

Но приди лишь на влажный песок,

Освеженный морскими волнами.
Посмотри, как простор здесь широк,
Как бездонно здесь Небо над нами.
Лишь услышь, чуть подслушай намек,
Набаюканный сердцу морями, –
Ты как дух, ты окончил свой срок,
Ты как дух над безбрежными снами.

В многопевности сказок морских,
В бестелесности призрачной Влаги,
Где испод изначальностей тих,
Ни для чьей не доступен отваги, –
В отрешенье от шумов людских,
Как мы смелы здесь, вольны, и наги.
Ты здесь первый несозданный стих,
Из еще нерассказанной саги.

МОРСКОЕ

Глыбы отдельные скал, округленные ласкою волн.
Влажность, на миг, гольшей от волны, каждый миг набегающей.
Утлый, забытый, разбитый, но все не распавшийся челн.
Белые чайки на гребне, над зыбью, тех чаек качающей.
Светлые дали воды, уводящие в сказочность взор.
Волны, идущие к нам, но как будто бы нас уносящие.
Шелесты, шорох песков, кругозорный, безмерный простор.
Зовы, узывы, напевы, пьянящие, странно манящие.

ПТИЦЫ

Я сейчас летаю низко над землей,
Дух забот вседневных виснет надо мной.

Можно ль быть свободным огненным орлом,
Если ты притянут этим тусклым днем?

Можно ль альбатросом ведать ширь морей,
Если ты окован тесностью своей?

Можно, о, возможно кондором летать,
Если отрешенно будешь ты мечтать.

Можно, быть возможно птицею Стратим,
Раз ты в высших числах, с Солнцем, только с ним.

ПУТЬ

Какой же путь, какой же путь
Еще найти ты сможешь?
Быть может, есть он где-нибудь?
И как сумеешь ты вздохнуть,
И как себе поможешь?

В конце концов – лишь путь цветка,
Лишь путь ребенка, птицы,
Меж трав полночных – светляка,
Свирельных струй издалека,
Узорчатой зарницы.

СЧАСТЛИВ...

I ten szczęśliwy, kto padł wśród zawodu...
Ad. Mickiewicz

Блажен и тот на дороге ранней...
А. Мацкевич (польск.).

Счастлив, кто в беге упал,
В беге до цели.
Так белою пеной увенчанный вал
Рассыпается в радостном хмеле.
Счастлив, кто счастье узнал устремления к цели.

Вал разбежался, хмельной,
Кружевом белым.
Прекрасен, кто к жизни рожден глубиной,
И к безвестным стремится пределам.
Счастлив, кто счастье узнал быть в стремлении смелом.

МОРСКИЕ РОЗЫ

Морские розы – розы белые,
Они цветут во время бурь,
Когда валы освирепелые
Морскую мучают лазурь.

И бьют ее, взметают с грохотом,
И возмущают ревом гроз,
И возвращают с мертвым хохотом

Мгновенность пышных белых роз.

ПТИЦА МЕСТИ

Если ты врага имеешь,
Раз захочешь, так убей,
Если можешь, если смеешь?
Угоди душе своей.
Но заметь, что в крови красной –
Волхвованье: из нее,
Только брызнет, дух неясный
Воскрылится – птицей – властной
Изменить в тебе – твое.

Эта птица, вокруг могилы
Умерщвленного врага,
Будет виться, станешь хилый,
Жизнь не будет дорога.
Труп сокроют, труп схоронят,
Птица будет петь и петь,
Крик ее в тебе застонет,
Ты пойдешь, она нагонит,
Мечь заставит – умереть.

ЛИТОВСКАЯ ПЕСНЯ

Пой, сестра, ну, пой, сестрица.
Почему ж ты не поешь?
Раньше ты была как птица.
– То, что было, не тревожь.

Как мне петь? Как быть веселой?
В малом садике беда,
С корнем вырван куст тяжелый,
Роз не будет никогда. –

То не ветер ли повеял?
Не Перкун ли прогремел? –
– Ветер? Нет, он легким реял.
Бог Перкун? Он добр, хоть смел.

Это люди, люди с Моря
Растоптали садик мой.
Мир девический позоря,
Меж цветов прошли чумой.

Разорили, исказнили
Алый цвет и белый цвет.
Было много роз и лилий,
Много было, больше нет.

Я сама, как ночь с ночами,
С вечным трепетом души,
Еле скрылась под ветвями
Ивы, плачущей в тиши.

ЗАРЯ

Королева Каралуни,
Над полянами Литвы,
Плачет в месяце Июне,
Плачет с ней листок травы.

А в пределах Норги Фрея
Плачет, глянув на утес,
И болотная лилея
След хранит златистых слез.

И по всем-то странам разно
Плачет нежная Заря,
То жемчужно, то алмазно,
То в сияньях янтаря.

То на быстром Светлогривом,
Приносящем день, коне,
Пролетит она по нивам,
И дрожит слеза в огне.

А порою эта грива
Вся от инея бела,
Поглядишь – и как красиво,
Вон, роса везде легла.

Отчего же это плачет
При начале дня Заря?
Конь ее зачем так скачет?
Это все ужели зря?

Я не знаю. Полагаю,
Тут ничем нельзя помочь.
Ибо Ад повержен к Раю,
И за Днем приходит Ночь.

ЖАЛОБА К ЦВЕТКУ

Цветок, цветок, ты весь – глазок,
Ты весь – красивый глаз.
А мы глядим и вечно спим,
И видит ли кто нас?

Цветок, цветок, ты весь – есть слух,
Ты весь – любовь, уста,
Ты – нежность губ, ты – мысль, ты – дух.
А нам – лишь темнота?

Цветок в росе, ты – нежный глаз,
Твою росу мы пьем.
А наших глаз немой алмаз
Сберет ли кто потом?

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

Кто влюблен, тот очарован,
Зачарован, опьянен,
Он не декой заколдован,
Нет, не той, в кого влюблен.
Он пленен не той желанной,
Чьим губам пьянить дано,
Не доступной, не обманной
Сердце с сердцем сплетено.

Мы приходим, мы уходим,
Говорим, и молча ждем,
Мы на Землю Небо сводим,
Мы идем своим путем.
Мы крылатым вьемся змеем,
Мы ползем в пыли змеей,
Но в своем мы не умеем
Сон лелеять вправду свой.

Мы зрачки пьяним зрачками,
Всей душой в глаза глядим,
Но не нами, о, не нами
Создан звездный Серафим.
Серафим? Быть может, Дьявол?
Кто-то есть в нас, в нашем Мы.
Бывший в Море – в Бездне плавал,
Но не смерил этим Тьмы.

ВЕРОЛОМНЫЙ

То, что я отшвырнул с облегчением,
Ты бы принял с великим желанием.
Но, когда засмеялся я пением,
Разразился ты диким рыданием.

А она? Тем рыданьем напугана?
Этой силой страдания темного?
Или тем, что беспечным поругана,
Что любила она вероломного?

Вероломны лишь те, что с красивыми
Смеют – цепкою мглой быть объатыми.
Я как ветер промчался над нивами,
Вам – быть смятыми ветром, и сжатými.

ИЗМЕНА БЕЗ ИЗМЕННИКА

О, нет, я не изменник,
Красивые мои.
Я был вам верный пленник,
Я ваш был, в забытý.

Но, ежели с царицей
Я был и царь и раб,
Лечу я вольной птицей
Из царства скользких жаб.

Я был бы вечный пленник,
Всегда б склонялся ниц,
Но медлит лишь изменник
Средь измененных лиц.

Но медлит лишь бессильный
В окованности дней,
Где путь простерся пыльный,
Где больше нет стеблей.

Я никогда не ленник
Нецарственных цариц.
И нет, я не изменник,
Я птица между птиц.

ТЕРЕМНЫЙ УМ

Тесный женский ум живет вечно в терему,
Как ему не скучно там, право, не пойму.

Я привольная волна, весь свой день бежал,
А коль берег наступил, умер пенный вал.

Тесный женский ум, проснись, есть восторг ума,
При котором хороши даже терема.

Ты, проснувшись, в яви спи, встанет вал светло,
Заблестит в твоём окне, как огонь, стекло.

Тесный женский ум, люби, есть восторг ума,
При котором хороши даже терема.

ОХОТНИК

Я охотник, я стрелок,
Я в пути, и путь далек.
Долго я в лесу плутал.
Полон мой ягдташ. Устал.

Отдохни, мое ружье.
Птица там? Оставь ее.
Звери там? Не тронь их рой.
Пусть живут. Иди домой.

Ты болото миновал.
Выпей в честь трясин бокал.
И в трясилах есть краса,
Травы, жизни, голоса.

Не запутал ты души
В чаще, в стонущей глуши.
Там нашел – чего искал.
Выпей в честь глуши бокал.

Дев лесных заслыша зов.
Не свалился в скользкий ров.
Похвала бесовским рвам,
Зорок глаз мой, слава вам.

Я нагешился вполне.
Путь далек, но видно мне.
Верен был курок ружья.
Лес, прощай. Есть дом – и я.

ДВОЙСТВЕННЫЙ ЧАС

В вечерней ясности молчанья
Какое тайное влиянье
Влечет мой дух в иной предел?
То час прощанья и свиданья.
То ангел звуков пролетел.

Весь гул оконченного пира
Отобразила арфа-лира
Преображенных облаков.
В душе существ, и в безднах Мира,
Качнулись сонмы тайных слов.

И свет со тьмой, и тьма со светом
Слились, как слита осень с летом,
Как слита с воздухом вода.
И в высоте, немим приветом.
Зажглась Вечерняя Звезда.

ТРИ КОНЯ

На трех конях Властитель Солнца
Свершает выезд в Иванов день.
И конь один красней червонца,
И конь другой есть конь-игрень.

И третий конь весь белый, белый,
Как будто вылит из серебра.
Властитель Солнца, светлый, смелый,
Свершает выезд. – «В путь. Пора».

Но чуть доедет до зенита,
Конь златокрасный горит – и пал.
Властитель Дня хлестнет сердито
Тех двух – и дальше поскакал.

И конь-игрень он тоже красный,
Но с белой гривой, о, с белой он.
Он мчит, бежит, играет, страстный,
И пал, и пал на небосклон.

У бога Солнца сердце сжато,
Ему лишь белый остался конь.
На склонах яркого заката
Горит пурпуровый огонь.

И виден в тучах белоснежных
Конь смертно-бледный из серебра.
Властитель Солнца, в снах безбрежных,
Свершает путь. – «Домой. Пора».

ОЖЕРЕЛЬЕ

СТЕБЕЛЬ ПРИДОРОЖНЫЙ

Тонкий колос нив не наших,
Стебель придорожный, –
Словно пил в нездешних чашах,
Чар Египетских отведал, здесь тебя взрастивший, гений,
Бестревожный, –
Так утонченно-спокойный, между дремлющих растений,
Истонченный, нежно-стройный, вознесенный в мир видений,
Ты стоишь, в воздушной грезе, на краю большой дороги,
Как создание сновидений,
Как Египетские боги.

ЧЕРВОННЫЕ СВЯТКИ

Святая Неделя, Червонные Святки,
Тут Солнце – в веселии нашем сполна,
Дарит нам сиянье свое без оглядки,
А Ночи вещает, мол, ты не нужна.

Во все продолженье Пасхальной седмицы,
Как Солнце взошло, так не хочет зайти,
И долго поют нам полдневные птицы,
И долго хотят нам все травы цвести.

ЗОЛОТАЯ ПАРЧА

Золота парча развивается.
Святочная песня

Золотая парча развивается,
Кто-то в путь в дорогу собирается.
Это мать ли моя, или милая?

Иль чужая старуха унылая?

Золотая парча развивается,
Путь-дорога в леса означается.
То не милая, нет, не старуха, не мать,
Не хотят они в мире, не могут гулять.

Золотая парча развивается,
Заколдованный замок вздымается.
Это мысли мои, это вольность мечты,
Ей доступны пути Красоты.

БОЖЬЯ

Спросил я весеннюю божью коровку:
Зачем одеваешься в красную кровку?
Наряд у сестренки твоей – золотой.
Но малая божья рубинка молчала,
И двигала крылья, и их расцветчала,
Раскрыла – и прочь от вопросов, домой.

ЗЕЛЕНый, КРАСНый, ЧЕРНый

Зеленый, красный, черный цвет
Литовцы разно чтили.
В зеленом видели расцвет,
Блаженство изобилий.

В горенье красного – войну,
А в черном – ведьму злую.
Что сонмы душ ведет ко сну
Через язву моровую.

Я весь весна – ведь я поэт,
И я война – я ранен,
Но в трех цветах лишь черный цвет,
Мне черный цвет желанен.

ТРИ КАМНЯ

«Я их люблю обеих»,
С тоскою я сказал.
«Я их люблю обеих».

«Твой ум запутан в змеях»,
Сказал мне Камень Ал.

«Но выбрать не могу я,
Хотя бы я посмел.
Но выбрать не могу я».
«Тогда умри, тоскуя»,
Сказал мне Камень Бел.

«Нет, мир мне – в двух врагинях.
Два мира в них святынь,
Весь мир мне в двух врагинях».
«Тогда живи в пустынях»,
Сказал мне Камень Синь.

МОЛИТВА К ЛУНЕ

О, Луна, ты, взошедшая желтой и дымной над нами,
Посребрившая после свой вечно-колдующий круг,
Ты рождаешь те звоны, которые слышим глазами.
Будь мне друг.

Я из верных твоих, из влюбленных, в любви бледнолицых,
Я подругу свою потерял за чертою пустынь,
Где-то там, где-то там. Ты ее на туманных границах
Не покинь.

Мы сейчас – под тобой. Мы блуждаем и молимся розно.
Мой звенящий призыв ты в ней чарами света зажги.
Приведи же ее. О, скорее! Покуда не поздно.
Помоги.

ТАЙНА ЖЕМЧУГОВ

Если б ложью было то,
Что Морской есть Царь с Царевной,
В них не верил бы никто,
Не возник бы мир напевный.

Мы, однако же, поем,
Мы о них слагаем сказки.
Отчего? На дне морском
Мы извели их ласки.

Много разных есть морей,
Но в морях одна Царевна.

Кто хоть раз предстал пред ней,
Речь того навек напевна.

Но красивой всех поет
Тот, кто знал уста Прекрасной.
Только вот который год
Нет нам песни полногласной.

Может, кто-то в глубине
Слишком сильно полюбился?
Мы помолимся Луне,
Чтоб тайфун до бездны взрылся.

Чтоб до наших берегов
Кинул милого от милой.
Чтоб глубинных жемчугов
Нам он бросил с гордой силой.

И рыдали бы в струне,
Ослепительно-напевны
Сон увиденный во сне,
Стоны страсти в глубине,
Крик покинутой Царевны.

НЕ ВЕРНУВШИЙСЯ

«Я вернусь к вам потом. Я вернусь к вам с Царевной» –
Так молил я своих на своем корабле.
«Отпустите меня». – Но с угрюмостью гневной
Мне твердили они о добре и о зле.

Упадала в мой слух их ворчня однозвучно, –
«Что ж, мы будем здесь слушать морской этот гул?»
И мне стало меж ними так скучно, так скучно,
Что я прыг с корабля их, и вот, утонул.

О, счастливый прыжок! Ты навеки избавил
Человека Земли, но с морскою душой.
В тесноте корабля я своих там оставил,
И с тобой я, Морская Царевна, я твой.

День и ночь хороводы нам водят ундины,
Аметисты в глазах у Морского Царя,
Головой он тряхнет, – и иные картины,
Утро нашей Земли, дней последних Заря.

Сказки рыбок морских так безгласно-напевны,
Точно души проходят, дрожа по струнам.
И мечтать на груди у тебя, у Царевны, –

О, товарищи дней, не вернуться мне к вам!

Я вам честно солгал, не зовите изменным,
Но настолько все странно в морской глубине,
Так желанно все здесь, в этом мире безпечном,
Что не нужно объятия братского мне.

Да и вам не понять, верховзорным, оттуда,
Как узывны здесь краски и сны и цветы. —
О, Царевна морей, им ты чуждое чудо,
Мне же там только мир, где глубины и ты.

ЗАКЛЯТЫЕ

«Царевич, Царевич, ты спишь?»
«Проснуться нельзя мне, Царевна».
И снова жестокая тишь,
Лишь вьюга проносится гневно.

Безумствует там, за окном,
Пред сказочно-древним чертогом,
Где призраки скованы сном,
Где дверь замерла над порогом.

Семь страшных ночей круговых,
Как семь жерновов онемелых,
Сложились в колдующий стих,
Над миром безгласностей белых.

Решили они задавить
Возможность листков и расцвета.
Прядется и крутится нить,
И может лишь грезится лето.

Зловещие пряжи ворчат,
Их прялки рождают метели.
Молчат, неживые, молчат
Листы в их сковавшей постели.

А в древнем чертоге, вдвоем,
Царевич с Царевной заснули,
И грезят, овеяны сном,
О страстном, о жарком Июле.

Как будто в глубокой воде,
В их мыслях светло и печально.
Цветок склонился к звезде,
Глубинность ответа зеркальна.

И только порою, порой,
Как будто бы луч улыбнется.
И сонная с сонной душой
В вопросе-ответе сольется.

«Ты спишь, мой Царевич?» – «Я сплю».
Тень слов возникает напевно.
«Я сплю, но тебя я люблю».
«Я жду», отвечает Царевна.

ОПРОКИНУТЫЙ КУБОК

В разгаре веселий,
Что с дымом печалей, –
В снежистости далей,
Где пляшет бурун, –
Средь пышности елей,
Меж призраков сосен,
В предчувствии весен,
В дрожаниях струн,
Не вешних, не здешних,
Не здешних, не вешних,
В мельканиях струн,
Закрутивших бурун, –
Я мглою был скован,
Тоской зачарован,
Я, нежный, и в нежности – злой,
Я, гений свирелей,
Я, утро апрелей,
Был сжат серебро-льдяною мглой, –
Вдруг кто-то раздвинул,
Меж снежных постелей,
Застывшие пологи льдов,
И ты опрокинул
Мой дом из снегов,
И ты опрокинул
Тот кубок метелей,
И струны запели о счастьеи снов,
И сны засмеялись в расцветах апрелей,
В расцветах, во взорах,
И в звонах, в которых
Весь мир засверкал, так чарующе-нов.

ЗАКЛИНАНИЕ СТИХИЙ

Царь-Огонь, Царевич-Ветер, и Вода-Царица,

Сестры-Звезды, Солнце, Месяц, Девушка-Зарница,
Лес Зеленый, Камень Синий, Цветик Голубой.
Мир Красивый, Мир Созвездный, весь мой дух с тобой.
Жги, Огонь. Вода, обрызгай. Ветер, дунь морозом.
Солнце, Месяц, Звезды, дайте разыграться грозам.
Чтобы Девушка-Зарница, с грезой голубой,
Вспыхнув Молнией, явилась для меня судьбой.

ЗАВЕРШЕННОСТЬ

Ты верила мне как Богу,
Ты меня любила как мир, –
И я на великую вышел дорогу,
И лира моя полнозвучней всех лир!

Я был для тебя наслажденье,
Какого другого нет, –
И песен моих не скудеет рожденье,
И песни мои суть напевы побед!

Я был для тебя страданье,
И ты любила его, –
Я знаю, что в мыслях творцов мирозданья,
Я знаю, что значит быть Всем для всего!

ЗАПОРОЖСКАЯ ДРУЖИНА

Запорожская дружина дней былых была прекрасна,
В ней товарищи носились за врагами по степям.
Не жалели, не смущались, и одно им было ясно:
Это небо – наше небо, эти степи – служат нам.

И, сменивши клики брани на безумие попойки,
Братским смехом запорожцы озаряли светлый час.
И по степи точно мчались чьи-то бешеные тройки,
Это отзвуки веселья колдовали там для нас.

Колдовали и звенели. Напевали: Время минет.
Замолчат курганы наши. Будем в ветре мы как пыль.
Но в потомках наша память да не меркнет, да не стынет, –
Слышу, деда-запорожцы, мне звенит о вас ковыль.

Запорожская дружина нас, познавших силу света,
Нас, чей гордый лозунг – утро вечно-юного лица,
Да пребудет неизменной, как звенящий стих Поэта,
Да пребудет полновластной, как победный клик Певца.

ЗВУК ИЗ ТАИНСТВ

Цветок есть расцветшее пламя, Человек – говорящий огонь,
Движение мысли есть радость всемирных и вечных погонь.
И взглянем ли мы на созвездья, расслышим ли говоры струй,
Мы знаем, не знать мы не можем, что это один поцелуй.
И струн ли рукой мы коснемся, чтоб сделать певучим наш пир,
Мы песней своей отзовемся на песню, чье имя есть Мир.
И кто бы ты ни был, напрасно – цветка ль, Человека ль – не тронь:
Цветок есть расцветшее пламя, Человек – говорящий огонь.

ОСТРОВ

Остров сделай из себя,
Остров голубой.
И мгновенье не дробя,
Будь самим собой.

Мир людей – толпа акул,
Это – вражий стан.
Вбрось свой разум в мерный гул,
Слушай Океан.

Помни: даже и Потоп
Бережет ковчег.
Жизнь людей – безмерный гроб,
Стань на тихий берег.

Меж тобою и людьми
Пусть поют моря.
Эту долю ты возьми,
С Богом говоря.

Не покинет луч тебя,
Будет сон с тобой.
Остров сделай из себя,
Остров голубой.

СЛОВО О СУДЬБЕ

На чистое поле, под ясное Небо, под черное облако встань,
На красное Солнце, на Месяц двурогий, на звезды высокие глянь.

Под Солнцем под красным есть синее Море, и ладанный камень на нем,
И Божия церковь на ладанном камне, где служба и ночью, и днем.

Ты выбери поле, иль выбери Небо, иль выбери Море себе,
Но, выбрав, люби их, но, выбрав, служи им, и верь той отдельной судьбе.
Ты Солнце увидишь не так, как другие, войдешь в многозвездный ты храм,
И будешь ты видеть, как днем там и ночью лазурный встает фимиам.

ОБЛАЧНАЯ ЛЕСТНИЦА

Если хочешь в край войти вечно-золотой,
Облачную лестницу нужно сплесть мечтой,
Облачные лестницы нас ведут туда,
Где во сне бываем мы только иногда.

А и спать не нужно нам, лишь возьми росу,
Окропи вечернюю света полосу,
И, скрепивши облачко месячным лучом,
В путь иди, не думая больше ни о чем.

ПРАЗДНИК НЕБА

Солнце перстень золотой
Нам неведомого Бога.
Солнце светит над Водой,
Солнце гаснет за чертой
Предвечернего чертога.

Предвечерняя Луна
Серебристое запястье.
О, Луна, ты нам дана
Для узывчивого сна
Змеевого сладострастья.

Змеевидный Млечный Путь
Мировое ожерелье.
Если мы когда-нибудь
Захотим сполна уснуть,
Там проснемся для веселья.

Звезды весело горят,
Вечен праздник изумруда.
В них опалы нежно спят,
В них рубины точат яд.
Праздник Неба – вечность Чуда.

РУНЫ НОЧИ

ПОШУТИТ...

Пошутит Водяной – измочит,
Пошутит Леший – закружит,
Русалка шутит – защекочет,
Пошутит Ночь – заморозит.

РУНЫ НОЧИ

Руны Ночи прочитав,
Струны грома разобрав,
Я блуждаю, и собираю на болотах стебли трав.

В этих травах тонкий яд,
Самоцветности горят,
В них глубокий, змеиный, нелюдской, берущий взгляд.

Эти травы я сожму,
Выпью яд, и выпью тьму,
Кто б ты ни был подходящий, знай, что я тебя возьму.

Нас погонят по пятам
Руны Ночи в черный храм,
Струны грома, гряньте бурю, душу Дьяволу отдам.

ЗМЕИНАЯ СВЕЧА

Литовцы отметили, в давних веках
Великую тайну в двух вещих строках,
Что в тренье времен не сотрутся:
«Змеиную если зажжешь ты свечу,
Все змеи сберутся».
Что в этих строках, я о том умолчу,
Лишь мудро о них вспоминая.
Час вещей теперь. Я свечусь и лечу,
Как птица ночная,
Как птица, быть может, не птица, змея
Крылатая, зыбко-двойная,

На свет, на лесную свечу поспешая
В безвестность, где змеи, где царствует – Я.

ПЕРЕБРОШЕННЫЕ ЗВЕНЬЯ

Что держит Землю? Что?– Вода.
– Что держит Воду?– Камень грозный.
– Что держит Камень, дни, года,
Что держит Мир окружно-звездный?
– Четыре мощные Кита.
– На чем они, Киты златые?
– Их вечно держит Красота,
Огня теченья молодые.
– А что же держит тот Огонь?
– Другой Огонь, его две части.
– А дальше? – Более не тронь.
Не тронь. Сгоришь!

ЗАКЛИНАНЬЕ ВОДЫ И ОГНЯ

Я свет зажгу, я свет зажгу,
На этом берегу.
Иди тихонько.
Следи, на камне есть вода.
Иди со мной, с огнем, туда,
На белом камне есть вода.
Иди тихонько.

Рука с рукой, рука с рукой.
Здесь кто-то есть другой.
Иди тихонько.
Тот кто-то, может, слышит нас.
Следи, чтоб свет наш не погас,
Чтобы вода не пролилась.
Иди тихонько.

Мы свет несем, мы свет несем.
Рабы нам Ночь со Днем.
Иди тихонько.
Следи, рука с рукой тверда,
На белом камне есть вода,
Свети, идем с огнем туда.
Иди тихонько.

ХВОЯ

Это не дерево, нет, это храм,
Это молельня лесная.
Струйно смолистый дрожит фимиам,
Душу к молитвам склоняя.

Молча бессменный горит изумруд
В этой вознесшейся хвое.
Сердце, утихни, быть радостно тут
В благоговейном покое.

«А те просветы меж ветвей?»
Она, вздохнув, сказала,
И на мерцания очей
Как будто указала.

«О, те мерцания очей,
Замысливших иное!»
Так чей же сон, о чей, о чей
В той недостижной хвое!

ЗАКЛЯТИЕ МЕСЯЦА

Месяц, Месяц, где ты был?
– На том свете я ходил.
– Озаритель облаков,
Что ты видел? – Мертвецов.
– Много ль их? – Безмерный ряд.
– Что там делают? – Все спят.
– Месяц, Месяц, где ты был?
– Я над Морем синим плыл.
– Что ты видел на волнах?
– Тело мертвое и страх.
– Месяц, Месяц, где ты был?
– В вековечной смене сил.
– Что ты видишь без конца?
– И тебя, как мертвеца.

ЗАЧАРОВАНИЕ

От вещи, во тьме проходящей,
Змеиности, тайно скользящей,
Всевышний, меня сохрани,
Зловражеской силе молчащей

Скажи: «Зачаруйся. Усни».

Чтоб глаз тех, враждебных, но спящих,
И тускло, и лунно глядящих,
Я тайную повесть прочел,
И в жадных пугающих чашах
Нашел зачарованный дол.

Чтоб тем же путем, но обратным,
И с новым цветком, ароматным,
Прошел я в законченный час,
С волнением лишь сердцу понятным,
Близь лунно-мерцающих глаз.

СЛОВО К ТРЕМ ПТИЦАМ

На крутой горе есть дуб,
Волк на нем сломил бы зуб,
Столь он крепкий, столь тугой,
Этот дуб сторожевой.
А на дубе том, смотри,
Птицы медные, их три,
Светят в радугах росы
Золоченые носы.
Этот дуб они клюют,
Денно, ночью, клювом бьют,
Так им нужно, говорят,
Золоченый клюв острят.
Вы не бейте, Птицы, дуб,
Дух людской не меньше груб,
Тверд и жесток дух людской,
Может, вдвое он тугой.
Может, в тысячу он раз
Будет пробою для вас,
Заострив, придаст красы
В золоченые носы.
Вы попробуйте на нем
Клюв свой ночью, клюв свой днем,
Птицы медные, скорей,
Клювом, клювом, в мозг людей.

СЛОВО ОТ ЗМЕЙ

Много есть на Небе разнствующих звезд,
Светят, не просветят весь земной туман.
На реке Смородине, калиновый там мост,

На мосту калиновом, дуб стоит Мильян.
А в дубе том в дуплистом – змеиный гроб,
А в том гробу сокрытом – змеиный зуб и яд.
Змеиная утроба жаднее всех утроб,
Всех взглядов обманнее – змеиный взгляд.
Узоры я расчислил разнствующих звезд,
Выследил туман я, знаю нрав я змей,
Дуб-Мильян известен мне, знаю красный мост,
Зуб змеи – на яд змеи, яд, уйди скорей.
Прочь, змея подводная,
Скройся, подколотная,
Лесовая,
Межевая,
Домовая,
Гноевая,
Злая, злая, прочь, змея.
От очей вас отвлекаю,
Словом тайным зарекаю,
Зуб на яд, и яд на зуб,
Помогай мне, вещий дуб,
Просыпайся, власть моя,
Уходи, змея лихая,
Молодая,
Золотая,
Щелевая,
Гротовая,
Злая, злая, прочь, змея.

СЛОВО ОТ ЗМЕИНОГО ЯДА

Там, на море Океане,
Все на том, на нем, Буяне,
Дуб стоит,
Шелестит,
Дуб тот стар,
Полон чар,
А под дубом, словно гроб,
Древний камень Белороб,
А на камне Белоробе,
Словно в гробе,
Сильный Змей,
Царь гадюк, змеюк, медянок,
Змей великий, Скороспей.
В день Иванов, спозаранок,
На заре скажи скорей: –
Сильный Змей,
Сильный Змей,
Змей великий, Скороспей,
У тебя есть много жал,

Много жалящих детей,
Сколько их,
Огневых,
Водяных и полевых,
Сколько их, сколько их,
Яд широко побежал,
Но лучами – шире свет,
И великий счет – гробов,
Но велик – и счет примет,
И в уме есть столько слов,
Что для всех вас меч готов,
И заветное есть слово
Для тебя, для Скороспея,
Для тебя, для Змея злого,
И для всякого есть змея,
И для женских быстрых змей,
Для гадюк,
Для змеюк,
Для медянок-медяниц,
Всем вам – пасть во прахе ниц,
Всем вам – ползать перед властью полнословною моею,
Захочу – и всех замкну я, вас замкну я в тесный гроб,
Захочу – его сцеплю я, этот камень Белороб,
Повинуйся ж слову власти, Змей великий Скороспей!

ТЫ ХОЧЕШЬ?

Ты хочешь убивать? Убей.
Но не трусливо, торопливо,
Не в односторонности мгновенного порыва,
Когда твой дух – слепых слепей.
Коль хочешь убивать, убей –
Как пишут музыку – красиво.

ТУМАННЫЙ КОНЬ

Уж давно, на гранях мира, заострился жгучий терн,
Уж не раз завыли волки, эти псы, собаки Норн.
Мистар-Марр, создание влаги, тяжело-серый конь Валькирий
Опрокинул бочки грома, и низвергнул громы в мире.

Битва длится, рдяны латы, копья, шлемы, и щиты,
Меч о меч стучит, столкнувшись, ярки искры Красоты.
Их тринадцать, тех Валькирий, всех из них прекрасней Фрея,
Кравчий Асов, цвет и птица, лебедь белый и лилея.

Мистар-Марр гремит копытом, брызги молний – чада мглы.
Быстро вороны промчались, реют с клетотом орлы.
На кровавой красной ткани судьбы выткала Сеанейта.
К пиру! В Вальгелль! Там сочтем мы, сколько воинов убито.

ДВЕ ВОДЫ

В сутках две воды.
Архангельская поговорка

Две воды – одна с высот,
А другая – из низин.
Две беды – одна убьет,
Над другой – ты властелин.
Две воды – а капель счет
Слит в одно в игре пучин.

Тучно пучится она,
Вековая глубина.
Колыхается, как кит,
В час, когда в пучинах спит.
Тучны вечные снопы,
Звучны косы и серпы.

Холод кончен, тает лед,
Зеленеет гладь долин.
Ледоход, вода идет,
Мать мертва, но весел сын.
Ключ поет, в цветах есть мед,
Две воды, а путь один.

ЖЕЛАЙ

Желай того, чего желают Боги,
Хотеньем божески-прямым,
И ты пройдешь несчетные дороги,
А не развеешься, как дым,
Твои восторги будут многи,
Ты станешь памятью, преданьем вековым,
Желай, чего желают Боги,
Нельзя идти путем иным.

ОГНЕННАЯ МЕЖА

День Купалы, день Ивана, зорко сторожи,
Этот день есть знак раздельный огненной межи.

Все, что было, круг свершило, отступает прочь,
Выявляет блеск своей сила в огненную ночь.

Если ты сумел бесстрастно точный круг замкнуть,
В чаще леса не напрасно ты держал свой путь.

Сонму всех бесовских полчищ не прейти черты,
Пусть их жмутся, не прорвутся в область Красоты.

Сотни рук, несчетность цепких, в жажде тьмы и бед,
Не ухватят твой недвижимый папоротник-цвет.

Все зрачки, искусных в сглазе, острых вражьих глаз
Не дождутся, чтобы взор твой, светлый взор погас.

Все шептанья, все дыханья в чаще вековой
Не осияют заклинанья, – круг всевластен твой.

Дух твой светел, ты распутал все узоры лжи,
Ты крещен великой тайной огненной межи.

СВАДЬБА ВОДЫ И ОГНЯ

Свадьба Воды и Огня
Это зеленые храмы растений,
При всемирных свечах светлоглазого Дня,
При несчетных свечах звездосветных полночных горений.
Лики Воды и Огня,
Обвенчавшихся в пресуществленье двойного начала,
Принимают все краски, и Временность, в Вечность маня,
Одевается в золото, светится ало,
И на свадьбе Воды и Огня
Сколько есть изумрудов, играний опала,
Сколько раз между трав переменный алмаз
Целовался с Водой, и росинка зажглась,
Сколько раз по одежде живой изумруда
Пробежал поцелуйный шиповник-рубин,
И, желание в стебле кольнув, он стремление вызвал оттуда.
Лепестки поманил, расцветченности тайных глубин,
И пожаром червонным зажглось многоцветное чудо,
И на доли Земли снизошла вышина,
И зажглось Семизвездье с улыбкой Венеры,
В незабудках, в сирени, в лазурностях льна,
В сонмах маленьких лун, солнц, живущих вне меры,
В сочетаньях планет

Луговых и лесных,
В бесконечностях разных сплетений,
Впивающих Свет,
И его претворивших в пахучий и красочный стих,
Фимиамы во храме зеленом растений,
Гул хоралов колдующих Ночи и Дня,
При великом слиянье двух разных святых наваждений,
На свадьбе Воды и Огня.

РУНЫ

Чья была впервые руна?
Индры, Одина, Перуна?
Всех ли трех? Иного ль Бога?
Есть ли первая дорога?

Вряд ли. Вечны в звонах струны.
Вечны пламенные руны.
Вечен гром с его аккордом.
Вечен Ворон с криком гордым.

В Ветре молкнет ли рыданье?
В Море ль стихнет причитанье?
Полюбив, не минешь битвы.
Не забудешь слов молитвы.

Чтоб пройти леса и горы,
Нужно ведать заговоры.
Значит, нужно ведать руны,
Ибо чащи вечно-юны.

Значит, нужно ведать чары,
Ибо горы вечно-стары.
И всегда душе знакомы
Руны, молнии, и громы.

ДУХ ДРЕВА

Своей мечтой многоветвистой,
Переплетенной и цветистой,
Я много храмов покрывал,
И рад я знать, что дух стволистый
В телесном так воздушно-ал.

Но, если я для верных, нежных,
Для изнемогших, безнадежных,

Свои цветы свевал светло,
Я знаю, в лепетах безбрежных,
Как старо темное дупло.

И, если вечно расцветая,
Листва трепещет молодая,
Я, тайно, слушаю один,
Как каждый лист, с ветвей спадая,
Впадает в летопись судьбин.

И те, что ведают моленья,
И те, что знают исступленье,
И те, в которых разум юн,
Как буквы, входят в Песнопенье,
Но буквы не читают рун.

МОРАНА

МОРАНА

Умирание – мерещится уму.
Смерть нам кажется. Лишь верим мы во тьму.
Эти сумерки сознания и души,
Смерть всемирную пред ночью утиши.

Умягчи Морану страшную мольбой.
Зачаруй ее в пустыне голубой.
Разбросай среди жемчужин алый цвет.
Зачаруй. Морана – дева, ты – поэт.

Засвети сияньем звездным брызги слез.
Дай алмазов темноте ее волос.
«Меркнуть рано», прошепчи, – она вздохнет.
Поцелует, усыпит, но не убьет.

ТКАЧИХА

Дева вещая, ткачиха,
Ткет добро, с ним вместе лихо,
Пополам.
Левой бедою рукою
Нить ведет с борьбой, с тоскою.
А рукою белой правой

Нить прямит с огнем и славой.
Ткани – нам.
Дева вещая, ткачиха,
В царстве Блага, в царстве Лиха,
Где-то там.

Пой для Девы, Дева глянет,
Только ткать не перестанет
Никогда.
Сердцем зная все напевы,
Заглянул я в сердце Девы.
Полюбил, и полюбился,
В замке Девы очутился
Навсегда.
Любо мне, но душу ранит
Шум тканья, что не устанет
Никогда.

Диво вечное, ткачиха.
Тки, колдуй, но только тихо,
Не греми.
А не то проснутся люди,
И придут гадать о чуде.
Нам вдвоем с тобою дружно,
Нам не нужно, не досужно
Быть с людьми.
Дева вещая, ткачиха,
Тише, тише, в сердце – тихо,
Не шуми.

ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ СТОЛЕТИЙ

Камень. Бронза. Железо. Холодная сталь.
Утро. Полдень звенящий. Закатность. Печаль.

Солнце. Пьяные Солнцем. Их спутанный фронт.
Камнем первый повержен был ниц мастодонт.

Солнце. Воины Солнца и дети Луны.
Бронза в бронзу. И смерть. И восторг тишины.

Солнце. Ржавчина солнца. Убить и убить.
Воду ржавую пьют, и еще будут пить.

Солнце тонет в крови. Мглой окована даль.
Камень был. Бронзы нет. Есть железо и сталь.

Сталь поет. Ум, узнав, неспособен забыть.
Воду мертвую пьют, и еще будут пить.

ТРИ ДУШИ

Три души блуждали, вольные от жизни,
В радости эфирной неземных пространств.
Там, где нет, не будет места укоризне,
Там, в неизреченном, средь живых убранств.

Средь живущих вечно, меж всегда живого,
Три души блуждали, и спустились вниз.
Предземное царство было им так ново,
Три свечи на Небе новые зажглись.

В трех бессмертных душах вспыхнуло желанье,
Загорелись очи, зазмеился страх.
И у вышних окон, в Доме созиданья,
Замелькали руки безглагольных Прях.

Для одной души – пернатая сорочка,
Для другой души – осенний волчий мех,
Лик людской – для третьей... «Что ты плачешь, дочка?
Расскажи, поведай. Горе? Или грех?»

Плачут, плачут, плачут очи человека,
Волк в лесу боится, пробуждая страх,
Бесприютна птица в воздухе, от века,
Три души забыли о совместных днях.

МИРОВАЯ ПАУТИНА

Есть странные люди, безумные люди,
Что живут лишь в стремленье одном,
В вековом они кружатся, в призрачном чуде,
Под негасимым огнем.

Над ними, под ними проходят планеты,
Сжигаются солнца со свитою лун,
Но эти безумные – ветром одеты,
Их носит, бросает бурун.

Не пьют, не едят. В том какая причина?
Кто знает? Причинен ли в полночь наш бред?
Под ветром летят, как летит паутина,
А смерти им нет.

ДОЛИНЫ СНА

Пойду в долины сна,
Там вкось растут цветы,
Там падает Луна
С бездонной высоты.

Вкось падает она,
И все не упадет.
В глухих долинах сна
Густой дурман цветет.

И странная струна
Играет без смычков.
Мой ум – в долинах сна,
Средь волн без берегов.

ТЕНЬ

Загадка

Ходит без ног
Цепко без рук,
Уста без речи.
Придет на порог,
Предвестником мук
Таинственной встречи.

И взором слепым
Глядит без глаз,
Души не покинет.
Густеет как дым,
И светлый наш час
Темнеет, стынет.

Ползет без ног,
Хватает без рук,
Говорит без речи.
И доньше не мог
Ум с лукавством наук
Избежать этой встречи.

НАД ВЕЧНОЮ СТРАНИЦЕЙ

Супруг несчетных инокинь,
 Любовник грезы воспаленной,
 Оазис внутренних пустынь,
 Твой образ дивен, взор твой синь,
 Ты свет и жизнь души смущенной.

Но если именем твоим
 Тереза умеряла стоны,
 То им же обратили в дым
 Народы с прошлым вековым,
 Людей убили миллионы.

О, кто же, кто ты, зыбкий дух?
 Благословитель, или мститель?
 Скажи мне ясно, молви вслух.
 Иль свод небесный вовсе глух?
 Спаси меня! Ведь ты – Спаситель!

Многоликий, ты мне страшен,
 Я тебя не понимаю.
 Ты идешь вдоль серых пашен
 К ускользящему Раю.

Ты ведешь по переходам,
 Где уж нет нам Ариадны.
 Ты как свет встаешь под сводом,
 Где в Июле дни прохладны.

Ты звенишь в тюрьме жестокой
 Монастырскими ключами.
 Ты горишь, и ты высокий,
 Ты горишь звездой над нами.

Но в то время как сгорает
 Узник дней, тобой зажженный, –
 И тюремщик повторяет
 То же имя, в жизни сонной.

Но в то время как свечами
 Пред тобою тают души, –
 Ты вбиваешь с палачами
 Гвозди в сердце, в очи, в уши.

И не видят, и не слышат,
 И не чувствуют – с тобою,
 Кровью смотрят, кровью дышат,
 Кровь зовут своей судьбою.

И схватив – как две собаки
Кость хватают разъяренно –
Крест схватив в глубоком мраке,
Два врага скользят уклонно.

И твоей облитый кровью,
Крест дрожит, как коромысло,
К Свету-Слову, и к присловью,
Липнет чудище, повисло.

Разлохматилось кошмаром,
Два врага бессменно разны,
Старый мир остался старым,
Только новы в нем соблазны.

Только крючья пыток новы,
Свежи красные разрывы.
Кто же, кто же ты, Суровый?
Кто ты, Нежный, кротче ивы?

3

Чтоб тебя понимать, я под иву родную уйду,
Я укроюсь под тихую иву.
Над зеркальной рекой я застыну в безгласном бреду.
Сердце, быть ли мне живу?

Быть ли живу, иль мертву, – не все ли, не все ли равно!
Лишь исполнить свое назначенье.
Быть на глинистом срыве, упасть на глубокое дно,
Видеть молча теченье.

После верхних ветров замечтаться в прозрачной среде.
Никакого не ведать порыва.
И смотреть, как в Воде серебрится Звезда, и к Звезде
Наклоняется ива.

КРУГОВОЙ ВЕРТЕП

Я в лесу, бродя, увидел тайный склеп.
Постучал неосторожно в тот вертеп.
Вышли духи. Говорят: Зачем стучал?
В круговом вертепе каждый мирно спал.

Встали духи, и глядят светло и зло.
Восемь было их, змеиное число.
Окружил меня враждебный этот хор.

С ним навеки неразлучен я с тех пор.

В чаще бродим мы, должны блуждать мы в ней.
Зацепляемся за все шипы ветвей.
Ходим всюду, но решением судеб
Каждый вечер мы приходим в круглый склеп.

И опять, едва забрезжит, мы идем.
Мы повторным устремляемся путем.
В миге зрячий, в сутках вечно взор наш слеп.
В круг вступив, мы возвращаемся в вертеп.

Что я, где я, все равно мне. Я устал.
Я давно кукушку слушать перестал.
Где б я ни был, не пройдешь, кружась, вертеп.
Много ль жить мне, мало ль жить, предел мой – склеп.

ПРИЧАСТИЕ НОЧИ

Полюбите слезы, в вас воскреснет смех.
Прикоснитесь боли, удалится грех.
Помолитесь Ночи, вам сверкнет Заря,
С светлым, с темным сердцем светом говоря.
Прикоснитесь к Миру мыслию своей,
На касанье мысли – поцелуй лучей.
Поцелуй безгласный просиявших глаз,
Посмотревших ясно из души на вас.
Причаститесь боли, это верный путь,
Чтоб на вольной воле глубоко вздохнуть.

СВЕТ ПРОРВАВШИЙСЯ

1

...Он упал прорвавшимся лучом,
Он уводил в неведомые дали,
И я грустил, не ведая о чем,
И я любил влияние печали,
И плакали безгорестно глаза...

2

...Над скалистою страной,
Над пространством бледных вод,
Где с широкою волной

Мысль в созвучии живет,
Где химерная скала
Громоздится над скалой,
Словно знак бывшего зла,
Мертвый крик вражды былой...

3

...Хоть я любил тот край, там не было полян,
Знакомых с детства нам пленительных прогалин,
И потому, когда вечерний шел туман,
Я лунною мечтой был призрачно печален,
И уносился вдаль...

4

...Чей облик страшный надо мной?
Кто был убит здесь под Луной?
Кентавр? Поморский царь? Дракон?
Ты сон каких былых времен?
Чей меткий так был зол удар,
Что ты застыл в оковах чар?
Так в смертный миг ты жить хотел,
Что тело между мертвых тел,
Чрез сотни лет, свой лик былой
Хранит, взнесенный ввысь скалой...

5

...Упоительные тени,
С чем, о, с чем я вас сравню?
Звездоцветные сирени,
Вам ли сердцем изменю?
Где б я ни был, кто б я ни был,
Но во мне другой есть я.
Вал морской в безмерном прибыл,
Но не молкнет звон ручья...

6

...Он журчит, он журчит,
Ни на миг не замолчит,
Переменится, вздохнет,
Замутит хрустальный вид,
Но теченьем светлых вод
Снова быстро заблестит,
Водный стебель шелестит,
И опять мечта поет,

Камень встанет, – он пробит,
Миг и час уходят в год,
Где-то глыбы пирамид,
Где-то буря, гром гремит,
Кто-то ранен и убит,
Смерть зовет.
И безмерна тишина,
Как безмерен был тот гул,
В рунном облаке Луна
Говорит, что мир уснул,
Сердце спит,
Но воздушная струна,
Но течение тонких вод,
Неуклонное, звучит,
И по-разному зовет,
И журчит,
И журчит...

7

...Непобедимое отчаянье покоя,
Неустранимое виденье мертвых скал,
Молчанье Зодчего, который, башню строя,
Вознес стремительность, но сам с высот упал.

Среди лазурности, которой нет предела,
Среди журчания тончайших голосов,
Узор разорванный, изломанное тело,
И нескончаемость безжалостных часов.

Среди Всемирности, собой же уstraшенной,
Над телом близкий дух застыл в оковах сна,
И в беспредельности, в лазурности бездонной,
Неумолимая жестокая Луна...

НАШ ТАНЕЦ

Nasz taniec, nasz taniec...
Przybyszewsky

Наш танец, наш танец...
Пишбьшевский (польск.)

Наш танец, наш танец – есть дикая пляска,
Смерть и любовь.
Качанье, завязка – шептанье, развязка,
Наш танец, наш танец, когда ж ты устанешь, и будет безмолвие вновь?
Несказанность слов, неизношенность чувства, течение мгновений без скрипа минут,

Цветов нераскрытость, замкнутые очи, красивость ресниц и отсутствие пут.
Завесы бесшумные бархатной Ночи, бездонность затонов, и свежесть глубин,
И тихая, тихая нежность, нежнее, чем стоны свирели и плач мандолин.
Наш танец, наш танец – от края до края, наш вал сновиденный – небесная твердь,
Любовь нас уводит, – о, злая, о, злая! – и манит нас добрая, добрая Смерть.

ОСЕНЬ

Осень. Мертвый простор. Углубленные грустные дали.
Завершительный ропот, шуршащих листвою, ветров.
Для чего не со мной ты, о, друг мой, в ночах, в их печали?
Столько звезд в них сияет, в предчувствии зимних снегов.

Я сижу у окна. Чуть дрожат беспокойные ставни.
И в трубе, без конца, без конца, звуки чьей-то мольбы,
На лице у меня поцелуй, – о, вчерашний, недавний.
По лесам и полям протянулась дорога Судьбы.

Далеко, далеко, по давнишней пробитой дороге,
Заливаясь, поет колокольчик, и тройка бежит.
Старый дом опустел. Кто-то бледный стоит на пороге.
Этот плачущий – кто он? Ах, лист пожелтевший шуршит.

Этот лист, этот лист... Он сорвался, летит, упадет...
Бьются ветки в окно. Снова ночь. Снова день. Снова ночь.
Не могу я терпеть. Кто же там так безумно рыдает?
Замолчи. О, молю! Не могу, не могу я помочь.

Это ты говоришь? Сам с собой – и себя отвергая?
Колокольчик вернись. С привиденьями страшно мне быть.
О, глубокая ночь! О, холодная осень! Немая!
Непостижность Судьбы: – Расставаться, страдать, и любить.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ВОЗДУХ

Какая грусть в прозрачности Небес,
В бездонности с единственной Звездой.
Изваян, отодвинут в Вечность лес,
Удвоенный глубокою водою.

Из края в край уходит длинный путь.
Хрустальный воздух холоден, без ласки.
О, Май, ужель ты был когда-нибудь?
Весь мир – печаль застывшей бледной сказки.

ПРОЩАЙ

Мне жаль. Бледнеют лепестки.
Мне жаль. Кругом все меньше света.
Я вижу, в зеркале реки
Печаль в туманности одета.

Зажглась Вечерняя Звезда,
И сколько слез в ее мерцаньях.
Прощай. Бездонно. Навсегда.
Застынь звездой в своих рыданьях.

ПОЛЯ ВЕЧЕРНИЕ

Поля вечерние. Печальные закаты.
Холодность бледная осенних облаков.
В грустящей памяти виденья тесно сжаты.
Создания дней иных и невозвратных снов.

Тихонько сетуя, печалась, и тоскуя,
Беззвучно шепчутся поблекшие мечты.
И словно чудится прощальность поцелуя
В туманном шествии вечерней темноты.

СТВОРКИ РАКОВИН

Створки раковин я вижу на песке.
В створках раковинок кто-то жил когда-то.
Чайка белая мелькнула вдалеке.
– Помнишь брата?

Чайка, помнишь? Чайка, помнишь? – Нет пути
Речь вести со всем кругом, что так люблю я.
Лишь одно могу – узоры слов сплести
Из стихов и поцелуя.

НЕ ПОГАСАЙ

Не погасай, она сказала,
Твой свет восторг. Не погасай. –
О, нашей власти слишком мало,

Чтоб не уйти в закатный край.

Закат алеет нежной кровью,
И стынет в бездне голубой.
Не плачь, припавши к изголовью.
Я умер, пусть. Я был с тобой.

ТЕЛЕСНОСТЬ

О, храм из белых облаков,
Из темных туч, и тучек рдяных,
Зачем порваться ты готов,
Не просияв и двух часов,
Пока я медлю тут в туманах?

Я ждал, я долго ждал и ждал,
Моля мучительно бездонность,
Чтоб полог неба заблистал,
Чтоб белым он и алым стал,
Чтоб, наконец, зажглась червонность.

Она в небесности зажглась,
Она телесностью блестела,
Но вот звезда, и день погас,
Глядит душа из грустных глаз,
И мир – как раненое тело.

ВОЗГЛАС БОЛИ

Я возглас боли, я крик тоски.
Я камень, павший на дно реки.

Я тайный стебель подводных трав,
Я бледный облик речных купав.

Я легкий призрак меж двух миров.
Я сказка взоров. Я взгляд без слов.

Я знак заветный, и лишь со мной
Ты скажешь сердцем: «Есть мир иной».

ЖИВОМУ ОТ ВЕЧНО ЖИВОГО

Я по Земле прошел всей полнотой захвата
Приливо-рвущейся волны.
Душа других людей всегда в условиях сжата,
Я безусловно верил в сны.

Я закрывал глаза, я опускал ресницы,
Я в глубь души своей глядел.
Я лунно-спящим шел, и узкий край темницы
В безмерный обращал предел.

И больше нет меня. Я схоронен навеки.
Но ты, неведомый мне брат,
Пойми, и будь как я, и будешь ты как реки,
Как в море впавший водопад.

ЗВЕЗДА К ЗВЕЗДЕ

О, Млечный Путь, о, Млечный Путь,
Пойдем ли мы когда-нибудь,
Что только пламенный поток
От безразличности далек.

О, сколько звезд, тех грез-невест.
От Скорпиона – в Южный Крест,
Через символ Арго – в Орион,
И дальше, дальше – в вечный сон.

Звезда к звезде, звезда с звездой,
Поток всемирно-молодой.
Дорога душ, дорога птиц,
Дай быть мне там, где нет границ.

БЕЛЫЙ ЗВОН

1

Бледный лик одной Звезды
Чуть мерцает, чуть горит.
Месяц светел гладь воды
Колыхает, серебрит.

Я не знаю, что со мной,
Не пойму я, что светлей:
Бледный лик Звезды одной,
Или Месяц в снах лучей.

Наступает тишина.
Приходи побыть со мной,
Ангел Смерти, Ангел Сна,
В лице бабочки ночной.

Дай прощальный поцелуй,
Разлучи меня с тоской,
В ровный ропот сонных струй
Вбрось и вздох последний мой.

Без упрёка, без мольбы,
Проскользнем мы над Землей,
Ангел Смерти, дух Судьбы,
Мы уйдем с тобой домой.

Хорошо скользить с тобой,
В легком звоне примиренья,
Над уснувшей Землей,
Как безгласное виденье.

Ночью вольно дышит грудь.
И звездится цвет сирени.
Кротко светит Млечный Путь.
Тихой Вечности ступени.

Млеет сумрак голубой,
Чуть кольшутся растенья.
Улетает птичий рой,
В белом свете восхожденья.

Ниспадают лепестки,
И звезда порой сорвется.
Свет Белеющей Реки
Белым звоном отдается.

РАЗЪЕДИНЕННЫЕ

Я давно полюбил мою душу,
Я замкнул ее в светлый свой дом,
И ее тишины не нарушу,
Хоть не сдержан в блужданье своем.

Я брожу меж людей только телом,

Я хожу между них лишь как тень.
В сладострастье замру онемелом,
Как охваченный страхом олень.

И как яркий встаю пред толпою,
И как жалкий склонюсь под грозой.
Над фиалкой стою голубою,
Напою все растенья росой.

И душа моя в доме скучает,
Моего возвращения ждет,
И слезами свой лик расцветает,
И потерял алмазностям счет.

И душа так жалеет, жалеет
О моем бесконечном пути,
Но покинуть чертог свой не смеет,
И не смею я к ней подойти.

ОДЕЖДА ДУШИ

Как бы из ризы своя,
Душа блестящая моя,
В глубинный час, в предпервый час,
С борьбой великой извлеклась
Из тела сонного.
И стала подле, и глядит,
Каков у этой ризы вид,
И жаль ей тела своего,
Но бросить надобно его,
Для сна бездонного.

Над тихой полночью лугов
Блуждают сонмы огоньков,
Горят ночные мотыльки,
Полеты их недалеки,
Близь тела сонного.
Но ты, душа, но ты, душа,
Из тела к вольности спеша,
Не медли здесь, и в путь иной
Умчись надземной вышиной,
Для сна бездонного.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗВОН

Хрустальные звоны, кристальность, уклоны,

Дрожания света в мельканьях теней.
Какие в вас храмы? Какие амвоны?
В какой литургии горенье свечей?

Хрустальные звоны полей запредельных,
И гор, и озер, что мы видим во сне,
В лучах бесконечных, в лучах колыбельных,
При матовой снежно-вершинной Луне.

Хрустальные звоны, побудьте со мною,
Влиянье виденья, меня не покинь.
Да буду всегда я, там в сердце, с Луною,
С красивой Луною небесных пустынь.

КОСОГОР

Как я пришел на крутой косогор?
Как отошел от всего?
Лунностью полон небесный простор,
Вольно, воздушно, мертво.

Тихие, вечные волны морей,
Волны морей голубых.
Сердце, молчи, засыпай поскорей,
В лунности песен немых.

Свет лиловатый застывших цветов
Зыбко слагает венцы.
Вещая сказка молчащих волчцов,
Мертвые дремлют волчцы.

ЭТО ЛИ?

Это ли смерть? Или сон? Или счастье?
Рокот безмерный органного пения.
Тайна великих затонов бесстрастия.
Мление вольное. Сладость забвения.

Окна цветные застыли от холода,
Льдяные, встали воздушной преградой,
Было ли? Умерло? Было ли молодо?
Было ли, стало ли новой отрадой?

Краски огнями горят необманными,
Сказки закрыли холодную твердь.
Сердце рыданьями дышит органными.

Это ли смерть?

УСНИ

Дымящихся светильников предсмертные огни,
Дрожащие, скользкие, последние. Усни.

Мерцающие лилии, пришедший к цели путь,
Пройденности, бездонности грозившие. Забудь.

Развязана запутанность, окончен счет с людьми,
Предсказанность безмолвия идет к тебе. Прими.

Возьми рукой притихшею воздушный жезл свечи,
В безгласности горения сожги слова. Молчи.

Возвышенные лилии расцветом смотрят вниз,
И ждут в благоговейности последнего. Молись.

Ни шепота, ни ропота, в зеркальном прошлом дни,
Подходит Ночь бесслезная, вся звездная. Взгляни.

ЗВЕЗДНОЕ ТЕЛО

Страстное тело, звездное тело, звездное тело, астральное,
Где же ты было? Чем ты горело? Что ж ты такое печальное.
Звездное тело, с кем целовалось? Где лепестки сладострастные?
Море шумело, Солнце смеялось, искристы полосы властные.

Чудо-дороги. К свету от света. Звезды в ночах караванами.
Очи и очи. Губы с губами, пьяными, жадно-румяными.
Гроздь сияний, дрожи и смеха. Слиты все выси с низинами.
Сердце у сердца. Светлое эхо. Дальше путями змеиными.

К свету от света. Радость одета мглой – игрой многопенною,
Песни поются, и песня пропета, век ли ей быть неизменною?
Час предрассветный. Мы у предела. Ночь так кротка в непреклонности.
Страстное тело, звездное тело, мирно потонем в бездонности.

МАЙЯ

ЦВЕТОК ЛИЛОВАТЫЙ

Цветок лиловатый светло расцветал,
Когда я тебя повстречал на пути.
Цветочная длинная чаша-бокал,
В которую может пчела заползти.

Тихонько касаясь цветных лепестков,
Дрожала в луче золотистом пчела.
Два духа слились в расширенье зрачков,
Душа, отвечая, с душою была.

Я быстро, забвенно тебя целовал.
И красочно пела, в мечтанье звеня,
Цветочная длинная чаша-бокал,
В причастии Солнца, Любви, и Огня.

ЯРОВИТ

Я бог Яровит, я весенний, и ярый,
Я с бранным щитом рассеваю удары,
Я бог твой, и я зажигаю пожары
Среди облаков грозовых.
Я тот, кто леса одевает листвою,
Кто кроет луга и поля муравою,
Кто молнией яркой и травкой живую
Пугает и нежит живых.
Я бог Светловзор, распаленный и буйный,
Я в вихрях являюсь, в грозе многоструйной,
В цветах, в колокольчиках, буйный я, буйный,
Я в хохотах, взрывах огня.
Я бог Яровит, а иначе Ярило,
Я бог твой, веселая вешняя сила.
Желай, чтобы мысль твоя бога любила,
Тот счастлив, кто любит меня.

МИРОВАЯ КРАСОТА

Царь-Огонь с Водой-Царицей –
Мировая Красота.
Служит День им белолицый,
Ночью нежит темнота,
Полумгла с Луной-Девницей.
Им подножье – три кита.

Беспредельность Океана
Учит ум лелеять ширь.
Превращает в сад Морана
Свой кладбищенский пустырь.
В серебристостях тумана
Рдеет камень Алатырь.

По лесной глухой дорожке
Изумрудный вьется Змей.
Там избушка курьи ножки.
Там Яга, и там Кощей.
Там Царьки крутые рожки,
Там Жар-Птица, жизнь очей.

Серый волк горит глазами,
Земляники куст измят.
Плачут девушки ночами,
Днем у них же светел взгляд.
Царь сияет в вечном храме,
А Царицу реки мчат.

Мир двойной, и мир единый,
Будто грех, а нет греха.
Пред немеркнувшей картиной
Литургия снов тиха.
Пламень в Книге Голубиной,
Пенье стройного стиха.

ИЗ СТРАНЫ КВЕТЦАЛЬКОАТЛЯ

Братья мыслей, вновь я с вами, я, проплывший океаны,
Я прошедший срывы, скаты голых скал и снежных гор,
Гордый жаждою увидеть вечно-солнечные страны,
Я принес для звучных песен новый красочный убор.

Я спою вам, час за часом, слыша вой и свист метели,
О величии надменном вулканических вершин,
Я спою вам о колибри, я спою нежней свирели,
О стране, где с гор порфирных смотрит кактус-исполин.

О стране, где в чаще леса расцветают орхидеи,
Где полями завладели глянцежитости агав,
Где проходят ягуары, где шуршат под пальмой змеи,
Где гремят цикады к Солнцу, меж гигантских пышных трав.

О стране, где мир созвездий предстает иным узором,
Где сияет каждый вечер, символ жизни, Южный Крест,
Где высоко, в странном небе, опрокинуто пред взором
Семизвездье Скандинавов, Ursa Major льдяных мест.

Слыша северных метелей стоны, бреды, вскрики, шумы,
В час радений наших зимних, при мерцании свечей,
Я вас вброшу в дождь цветочный из владений Монтесумы,
Из страны Кветцалькоатля, из страны крылатых змей.

МОЛИТВА К СОЛНЦУ

Солнце, Солнце, ты Бог!
Безумцы гласят, будто ты есть небесное тело,
Будто ты только лик Божества.
Напрасны слова,
Прекрасна лишь страсть без предела,
Лишь счастье, лишь дрожь сладострастья, лишь сердце, горение, вздох.
О, Солнце, ты яростный Бог!
О, Солнце, ты ласковый Бог!

Ты сжигаешь степные пространства,
Зажигаешь всех смуглых людей,
Ты горишь, и лучисто твое постоянство,
Бледноликого жарко пьянишь вовлеченьем в легенду страстей,
Ты горишь, ты горишь без конца,
Ты поешь, и рождаются струны.
И поют, и колдуют сердца,
И красиво блаженство лица,
И влюбленность есть праздник души, праздник свадьбы, сверкающе-юный.

Солнце, о, Солнце, ты Бог золотой.
Дай чарования снова и снова,
Хмеля еще, горячо-золотого,
Дай мне упиться твоею мечтой.
Солнце, я твой, все прошел я обманы,
Все миновал я круги,
Солнце, возьми меня в горние страны,
Солнце, сожги!

У МАЙСКИХ РАЗВАЛИН

Еще не погасла Луна,
Но светит румянцем рассвет.
И ярко Венера видна,
Царица блестящих планет.

Создания великих веков,
Застыли руины Уксмаль.
Воздушны края облаков,

Безбрежна пустынная даль.

Здесь жили когда-то цари,
Здесь были жрецы пирамид.
Смотри, о, мечтанье, смотри,
Здесь жемчуг легенды горит.

Здесь чудится памятный стих
О сне, что в столетьях исчез.
Пропел, и, изваян, затих,
Под тройственным светом Небес.

В безгласье седеющих плит
Узорные думы молчат.
И только немолчно звучит
Стоустое пенье цикад.

ИЗУМРУДНАЯ ПТИЦА

Kat yacunah ma ya ma va.
Майские письма

В Паленке, меж руин, где Майская царица
Велела изваять бессмертные слова,
Я грезил в яркий зной, и мне приснилась птица
Тех дней, но и теперь она была жива.

Вся изумрудная, с хвостом нарядно-длинным,
Как грезы – крылышки, ее зовут Кветцаль.
Она живет как сон, в горах, в лесу пустынном,
Чуть взглянешь на нее – в душе поет печаль.

Красива птица та, в ней вешний цвет наряда,
В ней тонко-нежно все, в ней сказочен весь вид.
Но как колодец – грусть ее немого взгляда,
И чуть ей скажешь что – сейчас же улетит.

Я грезил. Сколько лет, веков, тысячелетий,
Сказать бы я не мог – и для чего считать?
Мне мнилось, меж могил, резвясь, играют дети,
И изумруд Кветцаль не устает блистать.

Гигантской пеленой переходило Море
Из края в край Земли, волной росла трава.
Вдруг дрогнул изумруд, и на стенном узоре
Прочел я скрытые в ваянии слова: –

«О, ты грядущих дней! Коль ум твой разумеет,
Ты спросишь: Кто мы? – Кто? Спроси зарю, поля,

Волну, раскаты бурь, и шум ветров, что веет,
Леса! Спроси любовь! Кто мы? А! Мы – Земля!»

ОРХИДЕЯ

Я был в тропических лесах,
Я ждал увидеть орхидеи.
О, эти стебли точно змеи,
Печать греха на лепестках.

Того, что здесь грехом зовется,
Во мгле мещанствующих дней.
О, гроздь жадных орхидей,
Я видел, как ваш стебель вьется.

В переплетенности стволов
Друг друга душащих растений,
Среди пьянящих испарений,
Я рвал любовный цвет грехов.

Склонясь над чашей поцелуйной,
В раскатном рокоте цикад,
Вдыхал я тонкий сладкий яд.
Лелейно-зыбкий, многоструйный.

Как будто чей-то нежный рот,
Нежней, чем бред влюбленной феи,
Вот этот запах орхидеи
Пьянит, пьянит, и волю пьет.

ЗЕРКАЛО

Я зеркало ликов земных
И собственной жизни бездонной.
Я все вовлекаю в свой стих,
Что взглянет в затон углубленный.

Я властно маню в глубину,
Где каждый воздушно-удвоен,
Где все причащаются сну,
Где даже уродливый строен.

Тяжелая поступь живых,
Пред глубиью меняясь, слабеет.
Радение сил неземных
Незримо, но явственно реет.

Душа ощущает: «Тону»,
Глаза удивляются взору.
И я предаю тишину
Запевшему в вечности хору.

ЗМЕИНОЕ ОТРОДЬЕ

У Тифона на плечах
Сто голов дракона.
Много блесков в их очах,
Дышит рев, и дышит страх,
На плечах Тифона.

Чу, мычания быка,
Свист стрелы летящей,
Глотка львиная громка,
Пес рычит исподгишка.
Вот завыл, грозящий.

С оживленных этих плеч
Все Тифону видно,
Столкновение вражьих встреч,
Он ведет с женою речь,
Слушает Ехидна.

Горго-сын к нему склонен,
Соучастник в хоре.
И шуршит семья Горгон,
Двестиглазый лик Дракон.
Свисты змей на море.

НА ПИРАМИДЕ УКСМАЛЬ

Свободна воля человека,
Разгульно бешенство страстей.
Спроси безумного Ацтека,
Спроси о цвете орхидей.

О том, как много вспышек жадных
Среди тропических лесов.
О жатвах мира, странных, страдных,
Под гром небесных голосов,

Непостижимые изломы
В сердцах жрецов и палачей,

Разрывы, молнии, и громы,
И кровь, хмельная от лучей.

И кровь, и кровь, своя, чужая,
На высях стройных пирамид.
Где, светоч бездн, доньне, злая
Агава, хищный цвет, горит.

ПОД ТЕНЬЮ КРЫЛЬЕВ

Весьма давно, Отцы людей
В Стране Зеленых Елей были,
Весьма давно, на утре дней,
Смуглились лица всех от пыли.

Вапанэлева был вождем,
Людей сплотил он в диком крае,
Он Белым – Белым был Орлом,
Он был владыкой целой стаи.

Они пришли на Остров Змей,
И отдохнули там на склонах,
Весьма давно, на утре дней,
Пришли на Остров Змей Зеленых.

И каждый был бесстрашный муж,
И зорок был, и чуток каждый,
То было Братство Дружных Душ,
Проворных душ, томимых жаждой.

Вапанэлева первым был,
Но в Небе скрылся Белокрылый,
За ним царем был Колливил,
Красиволикий, мощь над силой.

И Змеи с жалами пришли
Нагромождением изумруда,
Но растоптал их всех в пыли,
Свершил Красиволикий чудо.

Но так как Небо – красота,
Красиволикий скрылся в тучах.
И сонмы к нам иных Могучих
Спустились с горного хребта.

Янотови, Свершитель правый,
И Птица Снежная, Чилиль,
И много их, венчанных славой,
И много их, чье имя – былль.

Когда владыки отходили.
Царя сменял достойный царь,
Черед давала сила силе,
И было вновь, как было встарь.

Восточный край был Краем Рыбы,
Закатный край был Край Озер,
И все мельчайшие изгибы
В горах и в Море видел взор.

Малейший звук был жив для слуха,
Считались дальние шаги,
К родной земле прижавши ухо,
Мы точно знали, где враги.

Под тенью крыльев мы ходили,
Средь говоривших нам стеблей.
Тот сон горел в великой были,
Весьма давно, в потоке дней.

КОЛДУН

Тяжел он не был, но высок,
Был полон дум он безответных,
И звался между Красноцветных,
Колдун, глядящий на Восток.

Он не писал узорных строк,
Он не чертил иероглифов,
Ни много он оставил мифов,
Колдун, глядевший на Восток.

И он теперь от нас далек,
Но, если возникает тайна,
Мы знаем, был он не случайно,
Колдун, глядевший на Восток.

И если молвишь ты намек,
В котором сердце сердца дышит,
Он здесь, мы знаем, нас он слышит,
Колдун, глядящий на Восток.

ВОЖДИ КРАСНОЦВЕТНЫХ

Один звался – Любимый,

Он строил города,
Другой был – Скрытый в дымы,
А третий был – Звезда.

Глядящий прозорливо,
Могучий Волк племен,
При нем возрастала нива.
Хотя был хищник он.

Немая Память, Цельный,
Ныряющий до дна,
Зеленоглаз Свирельный,
Знамена-имена.

Лазоревая Птица,
Захватистая Рысь,
Весельщик вод, Зарница,
Как Боги вы сошлись.

Ступающий безгласно,
Поющая Змея,
Вы, мыслившие страстно,
Вы, ласка бытия.

ПЕРИСТЫЙ ПЕРСТЕНЬ

Колибри, малая Жар-Птица,
Рождение Воздуха и грез,
Крылато-быстрая зарница
Цветная лакомка мимоз.

Ты нежный перстень, ожерелье,
Перистый венчик, золотой,
На свадьбе вольного веселья
С воздушно-пряною мечтой.

Колибри, малая Жар-Птица,
Ты фея в царстве орхидей,
Ты Мексиканская царица,
И ты сильнее всех царей.

Промчались битвенные шумы,
И рой царей исчерпан весь,
И нет Аптекам Монтесумы,
А ты, Колибри, здесь как здесь.

МЕКСИКАНСКИЙ ВЕЧЕР

Заснул Чапультепек, роскошный парк Ацтеков,
Растоптанных в борьбе за красные цветы.
Затих напрасный шум повторных человек.
Созвездья дружные сияют с высоты.

О чем ты думаешь, печальница немая,
Ты, переплывшая Атлантику со мной,
Ты, встретившая дни единственного Мая,
Как Море луч Луны – ласкающей волной.

Мы здесь с тобой одни, нам ближе тень Кортеса,
Чем призраки друзей в туманностях Земли.
К нам зовы не дойдут из Северного леса,
Все, нам привычное, растаяло вдали.

Воспоминания, что призрачно-угрюмы,
Да не восстанут вновь из-за громады вод.
Здесь агуэгуэтли, любимец Монтесумы,
Своей седой листвой сложился в мирный свод.

Воздушный ветерок в ветвях шуршит напевно,
Уйдем от наших дум, всецело, в наши сны.
Вечерней Мексики лучистая царевна,
Венера манит нас с прозрачной вышины.

Богиня с прядями волос лучисто-длинных,
Венера влюблена по-прежнему в любовь,
И шлет нам светлый зов из тучек паутинных: –
Горите, вы вдвоем, любите вновь и вновь.

А Ицтаксигуатль, венчанная снегами,
И Попокатепетль, в уборе из снегов,
Свой горный и земной возносят лик пред нами: –
Любите, вы вдвоем, доверьтесь власти снов.

ДОВРЕМЕННАЯ

1

Ты любишь только верные слова,
Ты видишь только вечные сиянья,
Живешь, как перевозданная листва,
Как первых трав роса и трепетанья.

В твоих глазах глубинный изумруд
Волны, узнавшей зыбь и высь впервые.
Ты с нами, здесь, ты светишься, вот тут,

Но между нами бездны вековые.

2

Помню, как ты в первый раз
В нашем зримом мне предстала.
Это был вечерний час,
Разделяли люди нас,
Но от глаз до дальних глаз
Вдруг незримость проблистала.

С кем тогда я говорил?
Я не помню. С безымянным.
Вдруг в душе я ощутил
Точно дальний звон кадил,
Ум внезапно схвачен был
Угаданием слишком странным.

Я как в сказке поднял взор,
Я, глядя, застыл как в сказке.
Прост и строг, был твой убор,
Вмиг я вспомнил храм и хор,
Наша встреча – с давних пор,
Решена в иной завязке.

Помню, помню, лик Луны,
Над садами Атлантиды;
Остров Верных; помню сны
Той Халдейской вышины;
Лабиринты, кругизны;
Строгость траурной Изиды.

Где-то, где-то – сердце, где? –
В этом, вмиг живом. Когда-то,
Звезды плыли по воде,
Но, одной молясь Звезде,
Мы расстались, чтоб везде
Было сердце болью сжато.

И дрожала в нас тоска,
И в безмерности печали,
Умирили мы века,
Сохла, вновь была река –
Где ты? Как ты далека!
Где ты? – Глаз глаза искали.

И обманностью светясь,
Многokrатно погасая,
Жил из века в век алмаз,
Но Звезда связала нас: –
Ты моя на этот раз!

Твой! – Порвалась цепь ночная.

Это я тебя убил
На высоком теокалли.
Я убит тобою был
В битве равных вечных сил.
Жизни цвет над тьмой могил,
Все я вижу, как в кристалле!

ЛЮБОВЬ

Ты непостижная – как сон,
Моя любовь, любовь.
Твой голос эхом повторен,
И вновь к любви – любовь.

Я не могу в душе найти
Сравнений для очей,
Что стали звездами в пути,
И манят в мир лучей.

Я не могу постичь очей,
Исчерпать этот взгляд,
В них излучение ночей,
В них звезды говорят.

В них океанская волна,
Фиалки цвет лесной.
Глубин небесных тишина,
Что спит – перед грозой.

В них зов к морям без берегов,
И без пути назад,
Напевность рун в стране врагов.
Светящийся агат.

В них глубь таинственных криниц,
Где спит неспетый стих,
В них рой веков, в них крылья птиц,
И взмах ресниц густых.

В них тайный свет со всех могил,
В них всей Земли стезя.
Но что бы я ни говорил,
Их рассказать нельзя.

И что бы я ни помянул,
В душе прорвется вновь,
Как бы снегов нагорных гул,

Любовь – одна Любовь.

ЗМЕИНОЕ ЧИСЛО

Восемь лучистых планет,
Дважды четыре явив,
Да расцветивши и нет,
В змейный сложились извив.

Как он певуче-красив,
Как разноцветно-хорош.
Сколько желтеющих нив.
Как зазвездилася рожь.

Восемь, тебя не поймешь,
Можно тебя лишь любить.
Правда ли ты или ложь,
Звездно ты выткало нить.

Восемь, себя сохранить
Вечность велит мне, жезлом.
Душу велит опьянить,
Этим змеиным числом.

Восемь бессмертных планет,
Два и четыре явив,
Тьму показали и свет,
Бурю стихий расцветив.

Как он змеино-красив,
Этот узывчивый хор,
В звеньях растущий порыв,
Встречных страстей разговор.

Все сочетавши в узор,
В полный баюканья плен,
Жемчуг бросают в простор
Восемь поющих сирен.

Счастье и сладость измен,
В рдении вечно-живом,
Замок без кровли и стен,
Сжатый змеиным числом.

РОЗЫ

Я видел много красных роз,
И роз воздушно-алых.
И Солнце много раз зажглось
В моей мечте, в опалах.
В опальной лунной глубине,
В душе, где вечный иней.
И много раз был дорог мне
Цвет Неба темно-синий.

Я видел много алых роз,
И роз нагорно-белых.
И много ликов пронеслось
В уме, в его пределах.
Мне дорог ум, как вечный клад,
Как полнота объема.
Но робко ласки в нем журчат,
И груб в нем голос грома.

Не раз в душе вставал вопрос,
Зачем я вечно в тайнах: –
От белых роз до черных роз,
И желтых, нежно-чайных.
Но только в Индии святой
Все понял я впервые: –
Там полдень – вечно золотой,
Там розы – голубые.

ВОЗЗВАНЬЕ К БОГАМ

Бог Голубого Покрова,
С опушкой из белых снегов,
Океан, поведай мне слово,
Таящее сказку веков.

Богиня Одежд Изумрудных,
Праматерь кошмарных дней,
Колдунья снов безрассудных,
Земля, говори же ясней.

Бог Одежд Златоцветных,
Немеркнущий желтый цвет,
Радость дней безответных,
Солнце, дай мне ответ.

Богиня Одежд Опальных,
Колдунья бледных теней,
Ведунья рун изначальных,
Луна, будь бледней, но нежней.

Богиня Волос Лучистых,
Царица двойной высоты,
Венера, из далей сквозистых
Скажи, где тайник Красоты.

Так с болью, от века до века,
Я к Богам и Богиням взывал.
Но, смеясь над мольбой Человека,
Потоплял меня плещущий вал.

Земля мне волчцы расстилала.
И вонзались мне в руки шипы.
И опять возникало начало,
Бесконечность пустынной тропы.

И блуждала преступная сила,
И не раз меня Солнце сожгло,
И Луна меня обольстила,
Завлекла, хоть светила светло.

Лишь одна мне осталась Богиня,
Царица двойной высоты,
Венера, и с нею пустыня,
И ужас одной Красоты.

БАГРЯНЕЦ

Что тебе, мечтанье, надо,
Чтоб от будней отдохнуть?
– Лишь не это. Что-нибудь.
В чуждых странах дальний путь.
Многоцветность. Колорадо.
Гор пурпуровых узор,
С их неожиданностью уступов.
Вид – о, вид хотя бы трупов,
Лишь не братьев с давних пор.
Пусть хотя б тигриный взор,
Но не добрый взор участия,
Утомивший как ненастье,
Как осенних капель хор.
Вновь, как в детстве, ведать счастье,
Что в Природе ты один,
И как яркие запястья,
Как касанья сладострастья,
Чуют цвет иных долин,
Гордость красочных растений,
Цвет багряных сновидений,
Вспышку Майи, Колорин.

ЖЕНЩИНА-ЗМЕЯ

Меж всех цветов цветков найдется,
Что лучшим кажется цветком.
Меж песен – вещая поется,
Меж вскриков – Небо знает гром.
Есть Витцлипохтли меж Богами,
Он самый страшный Бог над нами,
Мечом он бьет, и жжет огнем.

Среди цветов есть цвет агавы,
И сок его есть пьяность сил,
Тот сок, исполненный отравы,
Кветцалькоатля опьянил.
И меж огней есть дивно-синий,
И меж Богинь – с одной Богиней
Наш дух не тщетно связан был.

Как между птиц есть лебедь белый,
Так Цигуакоатль, Змея,
Придя в Ацтекские пределы,
Являла белость бытия,
Ее движенья были нежны,
Ее одежды были снежны,
Ее воздушность – как ничья.

Но, если только в темной ночи
Вставал тот нежно-белый свет,
Восторг кого-то был короче,
И кто-то знал, что счастья нет.
И кто-то был в переполохе,
И проносились в высях вздохи,
Как будто мчался Призрак Бед.

И каждый знал, что час урочный
Закончил целый ряд судьбин.
И плакал воздух полуночный,
И души плакали низин.
То Цигуакоатль летела,
Змея, чье нежно было тело,
Она же – Матерь, Тонантцин.

И где всего сильнее шумели
Порыв и стоны бытия,
Там находили, в колыбели,
В пеленках, острие копья.
И это было как святыня,
И знали, вот, была Богиня,
Была здесь Женщина-Змея.

ТЕЦКАТЛИПОКА

Тецкатлипока, Бог, нигде
Не возникающий для взгляда,
Хотя он шествует везде,
На Небесах, в исподах Ада,
И по Земле, и по Воде.
Глядящий пристально, и стройный,
Не гнется в край добра, ни зла,
Но, жизнь любя, он любит войны,
И хочет, чтоб жила стрела.
И потому он дух раздора,
И он дразнитель двух сторон,
Чтоб блеском вспыхнувшего зора
Был миг текущий озарен.
Чтоб трепетало пламя гнева,
Чтоб в звуках бранного напева
Был стук мечей, и свист копья.
Чтобы рыдала звонко дева
Над красным цветом Бытия.

ТЛАЛОК

Тлалок, Тлалок,
Стада привлек,
Стада туманов сбил и спутал.
Небесный свод был пуст, широк,
Но встало облачко, намек,
И тучей весь он мир облек,
И он грозой весь мир окутал,
И у цветов, румянясь, рты
Раскрылись жаркие от жажды,
И пили жадные цветы,
И был в блестящих брызгах каждый,
Был в страсти красочный цветок,
Был в счастье каждый лепесток, —
И, влажный, в молниях смеялся,
Отважный, в мире быстро мчался,
В лугах и в Небе расцветался
Тлалок, Тлалок.

КВЕТЦАЛЬКОАТЛЬ

Изумрудно-перистый Змей,
Изумрудно-перистый,
Рождающий дождь голосистый.
Сверкание ценных камней,
Пролетающий в роще сквозистой,
Среди засиявших ветвей,
Веселый, росистый,
Змей!

Обвивающий звеньями рвущейся тучи,
Необъятный, весь небосклон,
Властелин четырех сторон,
Затемняющий горные кручи,
Озаряющий молнией их,
Крестообразным огнем.
Смехом секунд огневых,
Смехом, звучащим как гром,
Рождающий между ветвей
Шелесты, шорох, и звон,
Властелин четырех сторон,
Изумрудно-перистый Змей!

Мировой Чародей,
Вожделаньем своим
Ты на Север, на Юг,
На Восток и Закат,
Заковавши их в круг,
Чарованье пошлешь, в темных тучах агат
Загорится – и чу,
Полновесные капли, в их пляске гремят,
Точно выслал ты в мир саранчу,
Веселятся все страны,
Обсидианы,
Заостренных в разрывах, густых облаков
Разъялись в сверканье лазурно-зеленом
Под звеньями Змея, который летит небосклоном.

Мировой Чародей,
Дуновеньем своим
Ты дорогу метешь для Богов Воды,
И скопив облака, их сгустивши как дым,
Одеваешься в яркость Вечерней Звезды,
Возвещаешь слиянье двух светов земных,
Изумрудно-перистый, зеленый,
Ты поешь лучезарным дрожанием стих,
И на вешние склоны
Вечер спускается, нежен и тих,
Ночи рождаются дальние звоны,
Дня завершаются ропоты, шепоты, сказки огней и теней,
Светится жемчуг, зеркальность, затоны,
Зыби отшедшего Дня все темней,

Ночь все ясней от небесных огней,
Бог лучезарный двойного начала,
Бог проплывает в озерах опала,
Змей!

ОН, КОТОРЫЙ

Он, который опрокинул
Свой лучистый лик,
Он, который мир раздвинул,
В час как к Ночи День поник,
Он, который мир Пустыни,
Мир Небес, где вечно, ныне,
Вечно тонет каждый крик,
Превратил во храм глубокий,
В свод святыни звездоокой,
Взором пристальным проник,
Он, что в шапке звездочета
Ясно видит Верх и Низ,
Он, всемирный, звездный Кто-то,
Перед кем миры зажглись,
Он, волшебный, он, который
Видит глубь, и видит взоры,
Глянул. Тише. Глянь. Молись.

ГОЛУБАЯ ЗМЕЯ

Голубая Змея с золотой чешуей.
Для чего ты волнуешь меня?
Почему ты как Море владеешь Землей,
И кругом предстаешь как Эфир мировой,
С бесконечной игрою Огня?

Почему, для чего, Голубая Змея,
Ты горишь миллионами глаз?
Почему бесконечная сказка твоя,
Эти звенья, горенье, и мгла Бытия
Удушают, возжаждавших, нас?

Мы едва захотим, Голубая Змея,
Как желанью ты ставишь предел.
Зашуршит, загорится твоя чешуя,
И окончилось – Мы, или Он, или Я,
Ты костер зажигаешь из тел.

Голубая Змея с золотой чешуей,

Я еще не забыл Вавилон.
Не забыл теокалли с кровавою мглой
Над родимой моею, над Майской землей,
Где возлюблен был сердцем Дракон.

Я еще не забыл ни Египет родной,
Ни подсолнечник вечный, Китай.
Ни того, как я в Индии, мучим Судьбой,
Лотос Будды взрастил, мой расцвет голубой,
Чтоб взойти в нетревожимый Рай.

Голубая змея с золотой чешуей,
Я тревожиться буду всегда.
Но зачем я тебе, о, Дракон мировой?
Или ты лишь тогда и бываешь живой,
Как во мне океаном – Беда?

ЗОЛОТО-МОРЕ

Есть Золото-Море.
На Золоте-Море,
Которое молча горит,
Есть Золото-Древо.
Оно одиноко
В безбрежном горенье стоит.

На Золоте-Древе
Есть Золото-Птица,
Но когти железны у ней.
И рвет она в клочья
Того, кто ей нелюб,
Меж красных и желтых огней.

Есть Золото-Море.
На Золоте-Море,
Бел Камень, белея, стоит.
На Камне, на белом,
Сидит Красна Дева,
А Море безбрежно горит.

На Золоте-Море,
Под Камнем, под белым,
Подъяты железны врата.
Сидит Красна Дева,
Под нею – глубины,
Под камнем ее – темнота.

И Золото-Море
Сверкает безбрежно,

Но в глубь опускается труп.
То Красная Дева
В бездонности топит
Того, кто ей вправду был люб.

КВЕТЦАЛЬКОАТЛЬ-ВОТАН

Созвездье Южного Креста
Сияло надо мной.
Была воздушна темнота
С шумящею волной.

Усумасинтою я плыл,
Могучею рекой,
Несущий свежесть влажных сил,
Как все, в простор морской.

Усумасинтою я плыл,
Рекою Майских стран,
Где сотни лет назад скользил
В своей ладье Вотан.

То был таинственный пришлец.
Строитель Пирамид.
Остаток их, его венец,
Сном длительности спит.

То был возлюбленный волны,
Чье имя влажно – Атль.
Пророк, в зеркальность вливший сны,
Дракон Кветцалькоатль.

Он научил чужих людей,
Кветцалькоатль-Вотан,
Что пламень ласковых лучей
Живым для жизни дан.

Что на уступах Пирамид
Не кровь цвести должна.
И вот на выси твердых плит
Вошла в цветах Весна.

Душистость красочных цветов
И благовонный дым
И звучный зов напевных слов
Навеки слиты с ним.

Он был, прошел, он жил, любил,
Среди лесистых мест,

Оставив символ вешних сил,
Равносторонний крест.

Ушел, но вторит высота,
Над тишью Майских стран,
Созвездьем Южного Креста,
Что здесь прошел – Вотан.

БОГ ЦВЕТОВ

Мы не видим корней у цветов,
Видим только одни лепестки.
И не знаем их медленных снов,
Их тягучей и долгой тоски.

И не надо нам видеть его,
Сокровенного таинства тьмы.
Нужно видеть одно торжество,
Пред которым так счастливы мы.

Бог Цветов, ты великий поэт,
Ты нас вводишь легко в Красоту.
Слава тайне, скрывающей след,
Слава розам и грезам в цвету!

ОН ГЛЯДЕЛ

Он глядел в глубинность вод,
Он глядел в немые зыби,
Где возможно жить лишь рыбе,
Где надземный не живет.
Он глядел в лазурность вод,
И она являла чудо,
Доходя до изумруда.
Что цветет, и вот, плывет.
Он глядел на дно. Оттуда
Восходила тайно власть,
И звала туда упасть.
Там была сокровищ груда,
Рой там чудился теней
Потонувших кораблей.
Он глядел. Зрачки чернели.
Расширялся малый круг.
Колдовала страсть. И вдруг,
Словно пел напев свирели.
Добровольно, тот, кто смел,

Как чужою волей кинут,
Опускался в глубь, в предел,
Где, мерцая, рыбы стынут,
Тот тонул. А он глядел.
Расширенными глазами
Он смотрел в подвижность струй.
В них как будто голосами
Кто-то жил, и поцелуй
Там горел, дрожа огнями.
С драгоценными камнями
Утонувший выплывал.
С огнецветом, с жемчугами,
С аметистом, жил опал.
Он глядел, как тот смеялся
Над подарками зыбей.
Но душой не с ним сливался, —
С ликом мертвых кораблей.
И в глазах его, как в чуде,
Что-то было там вдали,
Веял парус, плыли люди,
Убегали корабли.
Путь до них обозначался
Через глубь его очей.
О, недаром меж людей,
Он недаром назывался
Открывателем путей.

ГРЕБЕЦ

На главе его смарагдовый венец.
Песнь потаенная

Мне привиделся корабль, на корабле сидел гребец,
На главе его златистой был смарагдовый венец.
И в руках своих он белых не держал совсем весла,
Но волна в волну втекала, и волна его несла.
А в руках гребца, так видел я, лазоревый был цвет,
Этот цвет произрастеньем был не наших зим и лет.
Он с руки своей на руку перекидывал его,
Переманивал он души в круг влиянья своего.
В круг сияния смарагда и лазоревых цветов,
Изменявших нежной чарой синеву без берегов.
С снеговыми парусами тот корабль по морю плыл,
И как будто с каждым мигом в Солнце больше было сил,
Будто Солнцу было любо разгораться без конца,
Было любо синю Морю уносить в простор гребца.

Печатается по: Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 тт. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. Т. 3.

Сформатировано на <http://rusilverage.blogspot.com/>